84(2Рос)6-5
В96

Родство

ВАЛЕРИЙ ВЬЮХИН

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

~~19/11. Нуж~~
15/10 - Савоки

ор Ирон
Ирон

ВАЛЕРИЙ ВЬЮХИН

84(2Рос)6-5
В96

РОДСТВО

СТИХИ

107961

Сыктывкарская
ЦБС

Сыктывкар, 2007

ББК 84(2Рос-Рус)6-5
В 96

Вьюхин В.Н.

В 96 Родство.– Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2007.– 160 стр.

«Родство» — шестой сборник стихов Валерия Вьюхина. Уже само название передает суть и содержание этой поэтической книги. Это родство с Родиной, с северным краем, с его природой и людьми, родство со временем, в котором выпало сформироваться и жить автору. В целом, эта книга лирики, которой присуще тематическое разнообразие: от лирической миниатюры до глубокого философского обобщения, от романтического, восхищенного взгляда на мир до трезвой и неравнодушной оценки современности.

ISBN 978-5-88186-714-0

© Вьюхин В.Н., 2007
© Шарипков Г.Н., оформление, 2007
© ООО «Издательство «Кола», 2007

«По самой стремнине несет...»

Валерий Вьюхин – поэт, нашедший свою интонацию, свое видение жизни и отношение к ней. Его стихи для меня чисты и прозрачны, светлы и многозначны. За этой легкостью и естественностью стихотворной речи стоит огромный труд, строгая взыскательность к поэтической работе.

Настоящая поэзия требует любви и жертвенности, требует судьбы. Найти силы на это в своей душе и в своем таланте удалось Валерию Вьюхину. Даже слово «удалось» не совсем точное. Поэт так смог определить основные жизненные ценности, что по-другому просто не могло быть. Как пишет он сам:

Любить глубоко и негромко,
Прясть чувства заветную нить,
И знать, что душа скопидомка
Все может в себе сохранить.

И знать, что святое не выдаст
На пошлую сплетню толпе,
Лишь зябкому чувству навырост
Порушит барьеры в себе.

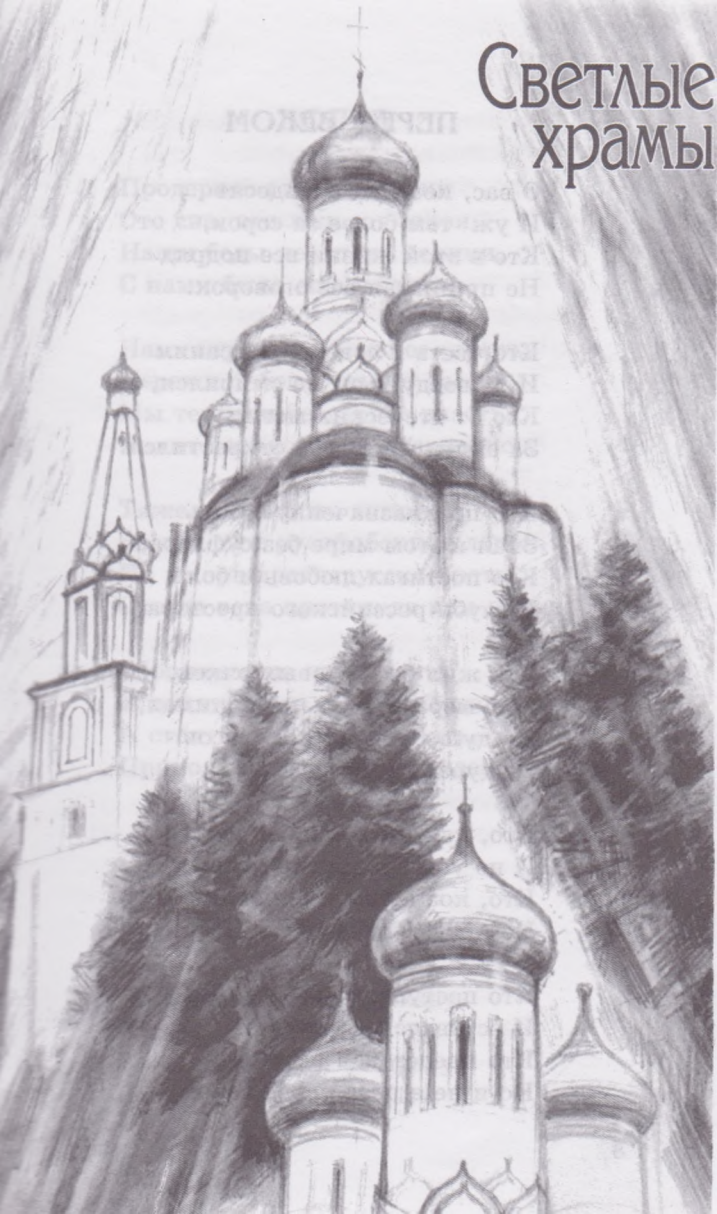
Сказано не без горечи, есть в этих строках и нотка трагичности – неизбежности выбранного пути, но есть и сила выбора, сила принять свое предназначение. Чем трагичней, тем светлее. На этой парадоксальности, противоречии и зиждется неподдельное поэтическое слово, а также любовь к людям и Родине.

Никто не давал нам уроков,
Как Родину нужно любить.
……
И ныне то чувство не глуше,
А только, быть может, трезвей,
Не выжег страдавшие души
Бездарной поры суховей.

Новый сборник стихов Валерия Вьюхина «Родство» – еще одна возможность для читателя пообщаться с душевным человеком и тонким лириком.

Андрей ПОПОВ, поэт,
член Союза писателей России

Светлые храмы



ПЕРЕД ВЕКОМ

О вас, кому за пятьдесят
И уж тем более за сорок,
Кто в этой жизни все подряд
Не принимал без оговорок.

Кто честь и совесть сохранил
И с двоедушьем не смирился,
Кто от отеческих могил
За сытный стол не открестился.

Кто предназначенную роль
Знал в этом мире без суфлера,
Кто постигал любовь и боль
В глуби российского простора.

Кто жил без розовых очков,
Всю мерзость жизни понимая,
Но душу прятал под засов.
От дурака и негодяя.

Кто, как ни жали, не умолк
И не ушел в другие сферы,
Кто, кое в чем имея толк,
Не предавал из-за карьеры.

Кто поступал через нельзя
И оставался человеком,
Кто представал не лебезя,
Но и не в позе перед веком.

КОПЬЯ

Продерите глаза земляки
Ото сна, ото лжи, от запоя.
Наши беды не столь велики,
С нами было еще не такое.

Нам случалось больнее упасть,
Пережить богохульнее ересь.
Мы терпели бездарнее власть,
Видит бог, до чего дотерпелись.

Тяжело и опасно вставать,
Застят свет русофобские хлопья,
Но не зря древнерусская рать
Сквозь века протянула нам копья.

Обопремся на их рукоять
И поднимемся, как не бывало.
А стоять, мы умеем стоять,
Приподняв, чтоб виднее, забрало.

СВЕТЛЫЕ ХРАМЫ

Оплакивать рано державу
И рано ее отпевать,
За тяжкие муки по праву
Сойдет на нее благодать.

Вернется к ней божия милость,
Очнется великий народ.
А то, что с краев отломилось,
Не все, но еще прирастет.

Загладятся грубые шрамы,
Забудется горечь и страх,
Поднимутся светлые храмы
На самых красивых местах.

История вздыбит державу,
Готовы уздечка и кнут.
Надежду России и славу
Мамаши в колясках везут.

РОДСТВО

Снега Сыктывкара повинны,
Что севером пахнет мой стих.
Давно все друзья угро-финны,
И сам я, быть может, из них.

Сомненью уже не осилить
Возникшее в сердце родство.
Поблизости станция Виледь,
Где корни отца моего.

Неслись серебристые птицы
Над темною пахотой дней.
Мне выпало здесь приземлиться
И звать эту землю своей.

Мне выпало здесь основаться,
Не думать о странствиях впредь,
И вечером длинным, как в святцы,
В глаза голубые смотреть.

НЕКТО

Этот тип с желтизною залысин
Окружающим мало знаком.
Он упрям, молчалив, независим,
С непрактичным, но трезвым умом.

Век двадцатый с тяжелой одышкой
И его придавил, словно пресс.
Был он тихим и скромным мальчишкой,
В запрещенные игры не лез.

Он годами в душе, словно в тигле,
Плавил жизни сырой матерьял.
Что иные минутой постигли,
Он мучительно долго искал.

Он по воле дурацких условий
Унизительно медленно рос,
Но имея характер воловий
Мог тянуть перегруженный воз.

Налегал без надрыва и всхлипа,
Как объезженный веком Пегас.
Бог лепил из него прототипа
Вероятно кому-то из нас.

ПОСЛЕ ПУШКИНА

После него так много изменилось,
Но так же беспощаден свет.
И клевета, и барская немилость,
Неотвратим наемный пистолет.

За два столетья бронзовая корка
На имени его не наросла.
В его стихах кипение восторга
И дивный свет, и чувственная мгла.

Литература пушкинскою глубью
Перед всевышним, как у алтаря,
И если в нас осталось самолюбье,
То и его судьбе благодаря.

ЛЕТОПИСЦЫ

Послевоенная школа,
Класс до отказа набит.
Дивная сила глагола
Юные души знобит.

Тихо за школьною дверью,
Только часами подряд,
Как заведенные, перья
Над падежами скрипят.

Тонкая рвется бумага,
Класс не шутя увлечен.
Словно на стенах Рейхстага –
Крупные буквы в наклон.

А за окошком Россия –
Только что после войны.
Избы, как ямы, пустые,
Очи слезами полны.

Пишутся новые главы
В книге побед и потерь.
Дети великой державы
Вновь летописцы теперь.

ДАВНЕЕ

Я мальчишкой попал в Ленинград,
Разомкнув деревенские тропы,
Ни мосты, ни узоры оград –
Я сначала увидел окопы.

Или то, что осталось от них
На переднем краю обороны.
Каждый в поезде сразу затих,
Словно током прошило вагоны.

И на миг нам послышался гул,
Будто эхо былой канонады.
Кто-то голову в плечи втянул,
Словно сверху летели снаряды.

За окном проступал Ленинград,
Переезды хрипели вдогонку,
И все чаще отыскивал взгляд
Незаплывшую глиной воронку.

Потрясал этот странный пейзаж,
Ни дворцы, ни высокие шпили,
Ни огромный пустой Эрмитаж
Так при встрече меня не смутили.

Я подолгу стоял у Невы,
Ощущая историю рядом,
А в глазах – те окопы и рвы,
Что под самым почти Ленинградом.

СТРЕЛЬБЫ

Заботясь о пользе и благе
Схлестнутся порой старики...
Иные из них на Рейхстаге
Писали о том от руки.

Могли бы стоять на Ла-Манше,
Когда бы судьба и приказ,
Тогда бы слова о реванше
Иначе звучали сейчас.

Когда-то достали до Эльбы
Уральского блеска штыки.
Теперь, если где-нибудь стрельбы,
На запад глядят старики.

ЧУВСТВО

Никто не давал нам уроков,
Как Родину нужно любить.
Ни школы, ни толпы пророков
Не могут тому научить.

То чувство, как вера, окрепло
Перстом осенило чело,
И горсткой военного пепла
Под детское сердце легло.

Страна из войны выползала
В кровавых и грязных бинтах,
Казалось, что лик идеала
Она различала впотьмах.

Вся истина фронта и тыла
Для нас, может, в том и была,
Что Родина грудью закрыла
Тщедушные наши тела.

И ныне то чувство не глуше,
А только, быть может, трезвей,
Не выжег страдавшие души
Бездарной поры суховей.

КОЛОДЦЫ

Над замшелостью сруба –
Для ведерка клюка,
Все сработано грубо,
Но зато на века.

Может, это не капли
Там стучат в тишине,
А булатные сабли
По кольчуге – броне?

Или красные кони
В перестуке подков
От свирепой погони
Вдаль несут седоков?

Как бы время не мчалось,
Отметая беду,
Забывая усталость,
Я к колодцу приду.

Чтоб услышать, как где-то
Застучит в тишине
То ли сердце планеты,
То ли сердце во мне.

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Знакомы мне холмы береговые,
Высоких гор еще я не видал,
И вот, смятенный, я стою впервые
Перед тобой, стареющий Урал.

Уходят вдаль суровые порядки
Твоих вершин, что дики и остры,
Они стоят как вечные палатки,
Как воинства российского шатры.

107961

Сыктывкарская ЦБС

Мне говорят, что ты не в прежней силе,
Развеян ветром и размыт дождем.
Неправда! Подпоясана Россия
Твоим литым железным кушаком.

РОССИЙСКАЯ ЗЕМЛЯ

Пока живу на свете белом,
Пока струится кровь моя,
Принадлежу душой и телом
Тебе, российская земля.

Без обязательств и условий,
Без оговорок – весь я твой,
Немало родственной мне крови
С твоею связано судьбой.

Привык быть в радости и в горе
С тобой, родная сторона,
В твоем стремительном глаголе
Вся жизнь моя заключена.

Санкт-Петербургская ЦБС

ЗВОНАРИ

Не в такое уж давнее время
Под высокою сенью церквей
Обитало могучее племя
Непокорных властям звонарей.

И в беде, и на праздник престольный
Им внимала последняя тварь.
Был тогда среди братии вольной
Не последней фигурой звонарь.

Вдохновенный, в холщовой рубахе,
Так звонил он, что гнулась трава.
И шептались враги, что по плахе
Заскучала его голова.

И ловили, в остроги сажали
Непослушных и злых звонарей,
Чтоб они в неизбывной печали
Не тревожили звоном людей.

Звонари, звонари...
На просторах унылых
Их безбожно сживали с земли.
Но на их позабытых могилах
Колокольчики густо росли.

КОРИДОРЫ

Мы – страна коридорного типа,
Государство стеклянных дверей,
Где ночами от каждого скрипа
Пробирает мороз до костей.

За стеной кто-то жутко хохочет
Или плачет, пойди разбери.
И витийствуют все и пророчат,
Словно с будущим держат пари.

Но у нас набиваться в пророки
Всех охочих, Господь упаси!
За такое немалые сроки
Есть обычай давать на Руси.

В наши годы в глухих коридорах
Не сподоблен в мессии никто,
Чуть чего, увозили на «скорых»
Иль под стражей в казенных авто.

Поискать безопасного места,
Мы почти что его лишены.
Равнодушье, как форма протеста,
Пропитало все поры страны.

ИСХОД

Опоры великой империи
Разрушили не бунтари,
Самообмана бактерии
Разъели ее изнутри.

Ее погубили иллюзии
И двоедушье людей,
Да сумрачный пасынок Грузии,
К несчастью, посватался к ней.

Присвоив права государевы,
Он варварски правил в Кремле.
Поныне октябрьское зарево
Тревожит покой на земле.

Еще от серпа и от молота
Зловещая тянется тень,
Немало под ней перемолото
Железа, людей, деревень.

Страна провалилась в безбожие,
Святые снеся купола,
Взглянув азиатскою рожею
На то, чем когда-то была.

Еще кровоточат артерии
Разодранной в клочья страны...
Обломки великой империи
В трагический век вмощены.

КОМИ ЗЕМЛЯ

Она – окраина Европы,
Ей спину выпрямил Урал.
В войну минувшую окопы
Никто здесь в глине не копал.

Бежать в укрытия спросонок
Под вой снарядов не пришлось,
Но страшный ветер похоронок
Всю землю выстудил насквозь.

На юго-запад строй за строем
На фронт катил людской поток,
Как перед этим под конвоем,
Другой – на северо-восток.

Надолго местные царевны
Надели ватники до пят.
Их плачи горестно-напевны
Поныне душу бередят.

Тогда, казалось, в целом мире
Не сохранилось красоты.
И здесь, быть может, стали шире
Районы вечной мерзлоты.

Не разогреть ее, как плугом,
Не распахать уральских скал.
Всевышний ей Полярным кругом
Сосуды все перевязал.

На очертаниях Европы
Она, как прыгнувшая рысь.
В ее снегах оленьи тропы
Так странно с рельсами сошлись.

Досталось ей хулы и славы...
Все испытав в короткий срок,
Она – как рано у державы
Посеребрившийся висок.

О ПЕСНЕ

Приходят иногда из захолустья
По-своему способные певцы,
Но песни их, наполненные грустью,
Не принимает мир за образцы.

Кто наши песни знает понаслышке,
Кто сам с народом вместе не певал,
Тому и микрофонные пустышки
Пожалуй что сойдут за идеал.

Кто почерпнуть считает неприличным
Из нашей чистой песенной реки,
Тому милы с акцентом заграничным
Грохочущие в залах пустячки.

Но жизнь идет своею чередою,
Ее нельзя хоть в чем-то обмануть.
Уходит прочь случайное, пустое,
И остается подлинная суть.

ОТ ПРЕДКОВ

Я не рыбак и не охотник,
Кому добыча на авось,
Скорее пахарь или плотник,
От предков так передалось.

Сидеть с наживкой не любитель,
Не промышляю глухаря.
Земля – мой ангел и хранитель,
Все в жизни ей благодаря.

Копаю, сею и сажаю,
Над каждым всходом хлопочу.
Я рад любому урожаю
И прилетевшему грачу.

Я счастлив, если мир огромен,
Когда есть поле, небо, лес.
Не выношу каменоломен,
Да я б туда и не полез.

ПОВОРОТ

Корабль сбросил ход, но заливом
Его, словно дьявол, несет.
Команда в каре молчаливом
Затравленно смотрит вперед.

Пропущены были сигналы,
Просмотрены все маяки.
Немного еще и о скалы
Корабль разнесет на куски.

Но кто-то в движении резком
Рванул до отказа штурвал.
Со скрежетом, воем и треском
Корабль поворачивать стал.

И рок отступился и трогать
Почти обреченных не стал,
Лишь тень корабля, словно деготь,
Текла по неровностям скал.

* * *

Какие потери
На новом витке...
Закрытые двери,
Сердца на замке.

В любой подворотне
Опасная тьма.
Стреляют охотней,
Чем строят дома.

Охотней клевещут,
Похабней дерзят.
Отечество вещью
Сдают напрокат.

Жизнь стала короче,
Коварней и злей.
И все это – Отче!
Под сенью твоей.

СТАРЫЕ ГАЗЕТЫ

Не жгите напрасно газеты,
Потом им не будет цены.
События, что ими воспеты,
По-новому будут видны.

Подшивки бесстрастно листая,
Ворочая прошлое вспять,
Поймете, как выросла стая,
Что многих сумела подмять.

С унылых столбцов по порядку,
Сдирая эпохи глазурь,
Вы, может, найдете разгадку
Давно прокатившихся бурь.

Газеты без давности срока
Просветят года, как рентген,
И станет ясна подоплека
Неясных пока перемен.

Храните иные газеты,
Как не было б стыдно читать.
В них есть кой-какие сюжеты,
Что могут возникнуть опять.

ВМЕСТЕ

Выйду в поле – сквозит,
Тишина, как в яме.
Наш народ по горло сыт
Лживыми речами.

Опрокину рюмку в рот
С черствым бутербродом.
Наш народ, бывает, пьет –
Вот и я с народом.

Наш народ еще поет,
Но все реже хором.
Все равно такой народ
Не возьмешь измором.

Перемелет все в муку,
Посмеется едко.
Не такое на веку
Видывали предки.

НОВОГОДНЕЕ

Весь год – подспудная работа,
Как будто рокот шестерен.
Листочки дней из переплета
Мы, словно жребий, достаем.

Весь год в заржавленные шлюзы
Проходят времени суда.
Печали, радости и грузы
Несет послушная вода.

Предновогодние примерки
Диктует холодом зима.
Не за горою фейерверки
И льдистых горок кутерьма.

Предвосхищение события –
Грядущей тайны волшебство.
Не рядовое чаепитие,
А Новый год и Рождество.

Слышны событий отголоски,
Судьба дописывает год,
А по зауженной полоске
Уже грядущее идет.

НАЧАЛО

Сыктывкар деревянный,
За окном петухи,
Коммуналка без ванной,
Под подушкой стихи.

Жизнь изрядно кусалась
На щедроты скупа.
И стихи, как бы шалость,
Но еще не судьба.

Ничего не имелось –
Ни кола, ни двора.
Но, казалось, все мелочь...
Золотая пора!

Все еще в перспективе
Без границ и основ,
Словно реки в разливе
Вне своих берегов.

Лишь еще намечалось,
Что случиться должно,
Не пугала усталость,
Не пьянило вино.

Жизни только наброски,
И работа, и дом.
Все еще только в воске,
Словом будет потом.

На просторе свирепом
Жизнь не шла по прямой,
Но поэзия с небом
Становились судьбой.

ВОЗМОЖНОЕ

Живу, надо мною не капает,
У жизни не слишком в долгу,
Но что-то все душу царапает,
А что и понять не могу.

Ну были ошибки и промахи,
Прочувствовал пряник и кнут.
И жизнью, как цвет у черемухи,
Бывал до озноба обдут.

Ну что-то в себе выкорчевывал,
А что-то, напротив, сажал.
С души, словно с платья парчового,
Бывало, пылинки сдувал.

Ну в чем-то напрасно упорствовал,
Цепляясь за каждую пядь.
Все время чего-то наверстывал,
Но так и не мог наверстать.

А время по-новому стряпает,
Других уже кличут за стол,
И что-то все душу царапает,
Как будто некстати пришел.

КЛЕСТЫ

А. Ванееву

Совсем не уходят поэты
С прекрасной и доброй земли,
Врастают в стихи и в куплеты,
И в мир, что стихом возвели.

Свой мир в поэтической раме
Поставил и ты на мольберт,
Оправил, как вязью, стихами,
Дал имя – Ванеев Альберт.

В том имени нежность и сила,
По росту – косая сажень.
Как глыбу, тебя накатила
На берег лесная Мезень.

Ты с нами прощаясь, прощая,
Глядишь с неземной высоты.
Ты слышишь, в лесах Коми края
Твои замолчали клесты.

РАСПЛАТА

В это лето горели леса
И лесные деревни горели.
По России прошла полоса
Огневой беспощадной метели.

С тяжким воем пылала земля,
Содрогаясь от страшного гула.
И, казалось, сама на себя,
Обезумев, она посягнула.

Все, чему бы шуметь и расти,
Откликаться полуденным эхом,
Пожирает огонь на пути,
На живом оставляя прореху.

Ствол обугленный божьим перстом
Все кому-то еще угрожает,
А земля завывает зверьком,
Словно заживо шкуру сдирают.

ПРИТЧА

Топтыгин попал на рогатину
И, кажется, отдал концы.
Сбежались делить медвежатину
По этому делу спецы.

Сначала решали со шкурою,
Для них это было важней,
Ведь всем эту жуть грязно-бурую
Хотелось иметь, как трофей.

Решили отдать благодетелю,
Чьи позже осушат ковши.
Огромную тушу разметили
И дружно достали ножи.

Но зверь вдруг ужасно оскалился,
Поднявшись живым на дыбы.
И лапа его, словно палица,
Достала охотничьи лбы.

Хрустели ключицы и челюсти,
Смиряя охотничий зуд.
Во всякой охоте есть прелести,
Пока по зубам не дадут.

АРТИСТ

Путь его извилист и тернист,
Жизнь помяла труженика с хрустом.
Не всегда художественный свист
Признавался подлинным искусством.

Вдохновенно годы просвистел
На банкетах, в кухне и со сцены,
Даже оказавшись не у дел
Так и не поверил в перемены.

Никогда не рвался за кордон,
Ни одним не мучался вопросом.
Кстати, то, чем занимался он,
Небольшим, но пользовалось спросом.

Но уже до худшего дошло,
Времена другие накатили.
Ни за что отняли ремесло,
Как в насмешку ваучер всучили.

ИЗОБИЛИЕ

Кого в России только нет,
Лишь загляни за подворотню.
У нас на тысячу поэт
И лицедей на полусотню.

В России все в избытке есть:
И добродетель, и пороки,
Больших умов не перечесть,
И дураки не одиноки.

У нас юродивый в чести,
И лежебока уважаем,
Пахать и сеять – не найти,
Но как один – за урожаем.

Непреходящая беда –
Чинуш обилие и пьяниц,
И как везде, и как всегда –
На самозванце самозванец.

У нас воруют как и встарь,
И так же скоры на расправу,
Но если надо, на алтарь
Положат жизни за державу.

Но нет расчетливости в нас,
Живем, как в царствии былинном,
За что история не раз
Огрела тютчевским аршином.

ПУТЬ

На подъеме судьбы и таланта
Все казалось ему нипочем,
Не имея привычек педанта,
Он не часто сидел за столом.

Он шагал, на пути задевая
И предметы, и судьбы людей,
Прогибалась под ним мостовая,
И ветра завывали сильней.

Не чурался ни женщин, ни водки,
Не боялся язвительных слов,
И, казалось, дымились подметки
От его семимильных шагов.

Никогда он не выглядел кислым,
Лишь бывал меж людьми суховат,
Да каким-то пугающим смыслом
Наполнялся со временем взгляд.

Впрочем, он и не думал об этом,
Жил свободно, как в детстве привык,
Но бывало, что каждым ответом
Окружающих ставил в тупик.

На вершине судьбы и таланта
Что-то новое вызрело в нем,
То мальчишеский пыл дебютанта
Переплавился с ясным умом.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

«Я умру в крещенские морозы...».
Н. Рубцов.

Как эта страшна прозорливость,
Как будто себе приговор.
Предчувствие словно таилось,
Судьбу вызывая на спор.

Пророчество давней догадкой
Легло на судьбу как печать.
Наверное, жить бы с оглядкой,
То можно б того избежать.

Но так не умеют пророки,
Безжалостной музы сыны.
И вновь появляются строки,
Что мрачных предчувствий полны.

И.А. КУРАТОВУ

Вижу я: среди зла и наветов
Ты с печальною музой идешь,
На российских опальных поэтов
Удивительно чем-то похож.

Пусть ты не был убит на дуэли,
Но хуже ли участь твоя:
Уродиться нежнее свирели,
И прожить это, в сердце тая.

И не мука ли с голосом певчим
Одиноко в полголоса петь,
Но душе твоей каяться не в чем,
И в полголоса надо суметь.

Содрогнется душа человечья,
Чуть припав к твоему роднику,
Как ты шел от лесного наречья,
К высочайшему шел языку.

Как ты жил средь бурсацкого сброда,
Средь людей, что на песню глухи,
Как любовно ты душу народа
Перелил в золотые стихи.

Как в далеких степях Туркестана
От чахотки, а не от свинца
На рассвете однажды не стало
Удивительной силы певца.

Как ты там на природе нездешней,
Горечь жизни изведав вполне,
Захлебнулся последнею песней
О родимой своей стороне.

ПО СОВЕСТИ

Добросердечная провинция,
Ты стала сумрачней и злей,
За то, что намертво привинчена
Среди картофельных полей.

За то, что сразу за окраиной
Непроходимые места,
За то, что в жизни неприкаянной
Ты не добилась ни черта.

За то, что платье, как у нищенки,
За боль заброшенной земли.
Пустоголовые фердыщенки
Тебя до края довели.

Тобой безропотно оплачены
Цивилизации счета.
Ты насмотрелась всякой всячины,
По горло виденным сыта.

Жила по совести, без хитрости,
В беде сумела не пропасть,
Но кошелек и душу вытрясти
Тебе успела эта власть.

Не отрекайтесь от провинции
И от отеческих могил.
Ведь мастерами и провидцами
Ее всевышний наградил.

У ЭКРАНА

С размахом, открыто и пышно
Справляет чего-то жулье.
Глубинной России не слышно,
Да разве теперь до нее.

Умильный зрачок телеглаза
Глазеет на новую знать.
Как там не хватает спецназа,
Чтоб их большинство повязать.

Клевещет известный ехидна,
Ему ненавистна страна.
Исконной России не видно,
А та, что в зрачке, не она.

СПИРАЛЬ

Опять развелись толстосумы,
Дельцы, золотые мешки.
Полны, как пиратские трюмы,
Добычею их тайники.

Пока воровские порядки
Терпела бездарная власть,
Они без ножа и взрывчатки
Сумели нас всех обокрасть.

Прошлись по России, как бреднем,
И даже где самая грязь,
Ничуть не гнушаясь последним,
Людского суда не боясь.

Теперь в нетерпенье торопят
Свой час или, может быть, рок.
Недавний трагический опыт
Опять оказался не впрок.

Давно ль по России со свистом
Прошлась большевистская плеть,
Листовки с усатым марксистом
Еще не успели истлеть.

Ни тем и ни этим не жалко
Ни дом, ни людей, ни страны.
Глухие углы катафалка
Все чаще в России видны.

НЕПОСЛУШАНИЕ

Пророк возвратился на Родину
И многое там не узнал,
И ею немало уж пройдено,
Он сам – уж не тот либерал.

Иначе страна обустроена,
Не так, как хотелось ему.
И с мудростью старого воина
Учил он сограждан уму.

Не все торопились прислушаться
К его непреложным словам,
Покуда не стало все рушиться,
И все расползаться по швам.

ПРЕДКИ

Не порвав сухожилий
И хребты не сломав,
Наши прадеды жили
Средь деревьев и трав.

Спозаранку косили,
Вечерами гребли.
Поклонялись России,
Без нее не могли.

Клали русские печи
По задумке своей,
И судьбе не переча
Поднимали детей.

Понимали, где правда,
Вознеся купола,
Потому и Непрядва,
И Полтава была.

Жили ладно и мудро,
Далеко – не рабы,
Знали – каждое утро,
Как подарок судьбы.

ПРОСЬБА

Не просил я у господа лишку,
Не мутил чудотворный исток.
Разве только от бед передышку
Да пронзительно искренних строк.

Разве только удачного взлета
И посадки у нужной плиты,
Остальное – судьба и работа,
Да рискованной жизни пласты.

Разве только крылатого чувства,
И чтоб было взаимным оно,
Да приветного жеста искусства,
Что поэзией наречено.

Не просил я у господа лишку,
Не подталкивал я естество,
И когда еще бегал вприпрыжку,
И когда уже – не до того.

ВОСЬМИСТИШИЯ

1.

Блажен, кто вписался во время,
Пришелся ему ко двору,
Кто милостив, ладя со всеми,
Кто выстоял сам на ветру.
Блажен, кто с судьбою не споря,
Жил просто, как богом дано,
Кто зависть держал на запоре,
Любви отворяя окно.

2.

Перед сумрачным храмом Урала,
Словно паперть ты, Коми земля,
Сколько слез ты с лица вытирала
За людей перед богом моля.
Сколько леса, людей и металла

В комариные топи легло.
Ты от этого хуже не стала,
Лишь печаль опалила чело.

3.
Историю нашу не нежим,
Расслабиться ей не даем,
Упорно, обильным и свежим,
Ее пополняем враньем.
Свой пласт, что изруган и горек,
Мы как-то еще узнаем.
Чем ближе копает историк,
Тем больше он шутит с огнем.

4.
Молчать не умели пророки
И в самые страшные дни,
Как не были нравы жестоки,
Народу не лгали они.
За это на плаху бросали,
Пытали, травили и жгли,
Гноили в сибирском централе,
Упорно сживая с земли.

5.
Не надеюсь на близкое чудо,
От страны не отлипла беда.
Все равно я не дерну отсюда,
Даже если б и было куда.
Все равно, чертыхаясь и плача,
До последнего верую я,

Что Россия – не старая кляча,
На которую ставить нельзя.

6.

Пожары, крушенья, невзгоды...
Вина чересчур велика.
Что мы промотали за годы,
Хватило б другим на века.
Рассеяла силы Расея
По всем континентам земли.
О, сколькие ею болея
Костьми на чужбине легли.

7.

Минувшее выцвело ситцем,
В окошке другая страна.
Я столького был очевидцем,
Что виденным память больна.
Сквозь душу событья просеял,
Как будто прошел по углю.
Как круто менялась Россия,
Но я и такую люблю.

8.

Ужо припомнят взгляда холод,
Горячность слов, усмешку губ,
И то, что был когда-то молод,
И то, что был когда-то глуп.
Припомнят все, что было плохо,
Что накопилось за года,
И даже то, что сам без вздоха
Не вспоминал бы никогда.

9.

Все от случая к случаю
Ожидаешь беды,
А она, неминучая,
Прогрызает ходы.
А она землеройкою
Лезет к самым корням,
Даже самого стойкого
Прибирает к рукам.

10.

Земля стала только ночлегом,
С рассветом опять улетим.
Мы в детстве, умытые снегом,
Привыкли к скитаниям своим.
Часы романтических будней
Давно спрессовались в года.
Хоть в небе не стало уютней,
Но все равно тянет туда.

11.

Любите небесную синь,
Чего б голоса не напели,
И даже, когда на латынь
Врачи перейдут у постели.
И даже, когда все равно,
Что будет, добро или худо,
Держите открытым окно,
Надеясь душою на чудо.

12.

Скорее всего невзначай,
Бывает и так у природы:
Дадут неплохой урожай
И самые поздние всходы.
Пробьются сквозь высохший пласт,
Расправив побеги, как крылья.
Расщедрясь, природа воздаст
За тяжкие эти усилия.

13.

Поэзия, что нареченная,
Не разминуться с ней.
Она, как метка черная,
Над дугами бровей.
Во всех делах присутствуя,
Со всеми и одна,
Она, как даль стоустая,
Как сердца тишина.

14.

Вологодский вокзал. Суета.
Запах пота, мазута и гари.
Скорый поезд Москва – Воркута
Мутным оком глядит в Заполярье.
Над грядущим висит пелена,
Да и то – отправляюсь не в гости.
Далеко посылает страна,
Знаю только, сойду в Княжпогосте.

15.

Не знаешь, где счастье обронишь,
А где подберешь на лету.
Кого-то ссылали в Воронеж,
А кто-то и сам – в Воркуту.
Кого-то и небо хранило,
Кого-то и дом не сберег.
Небесная высшая сила
Сама подводила итог.

16.

Я годы, словно занавески,
Раздвину мысленно рукой,
Двадцатого столетья фрески
Появятся передо мной.
Какие огненные блики,
Они пугают и сейчас,
Зловещи у эпох на стыке,
Особенно, когда у нас.

17.

Поэт не бывает заласкан,
Стихи не считают за труд.
Бывает, что схватят за лацкан,
И, как негодяя, трясут.
Легко подшутить над поэтом,
Он этому повод дает,
Когда из груди, как пинцетом,
Любовную грусть достает.

18.

Обнаружили некий изъян,
Не на чем молодца подцепили,
То ли был не ко времени пьян,
То ли голос подал не по силе.
То ли в душу чужую залез,
То ли мысли чужие присвоил.
Словом, впутал в историю бес,
Чтоб поменьше других беспокоил.

19.

Предубежденным и предвзятым
Я быть сегодня не хочу,
Тогда, в году шестидесятом,
Нам все, казалось, по плечу.
Ловлю себя на ностальгии,
Но это ж было, черт возьми,
Когда срывалось пол-России
За одержимыми людьми.

20.

Мы кое что в небе умели,
И в том перед богом чисты,
Садились порой на пределе,
Взлетали с последней плиты.
Мы блики растерли по скулам
И облако сбросили с плеч.
Как небо, простором и гулом,
Ничто так не может привлечь.

21.

Я прошлое не трогаю,
Немало сора в нем.
Мы и теперь по Гоголю
В нелепости живем.
Под посвисты разбойные
Опять идет дележ.
Мы люди подневольные,
С нас много не возьмешь.

22.

На ощупь окрестности пробуя,
Повадился дождик грибной,
И туча, как лошадь жеребая,
Застенчиво ржет за спиной.
Темно и прохладно, как в тереме,
Где слышно молитву с высот.
Природа смирилась с потерями
И вновь благоденствия ждет.

23.

Чирикал, пищал и аукал
Грибной и рябиновый лес.
В медвежий и заячий угол
С туманами август пролез.
Он ночью хозяйничал в чаще,
По летнему светлоголов,
И нет драгоценней и слаще
Его бескорыстных даров.

24.
Говорили, что надо быть проще,
По возможности самым простым,
Как берез неказистые рощи,
Как прозрачный над трубами дым.
Мы и стали. Уж некуда дальше,
Мы такие уже простаки,
Что не слышим обмана и фальши,
И не чувствуем в спину плевки.

25.
Тому, кто душою поэт,
Талант, как старинная прялка,
И толку от этого нет,
И выбросить, вроде бы, жалко.
Тому, кто несет этот крест,
Душой прогибаясь от груза,
Скорее весь мир надоест,
Чем эта капризная Муза.

ОСЕЧКА

Голос внутренний не слышится,
Не рыдает, не поет.
Как писалось, так не пишется
Вот уже который год.

Холодок стекал по темени,
Словно струи сквозняка.
То ли силы, то ли времени
Не хватало для рывка.

Поэтическое варево
Грел на медленном огне,
Что-то все не договаривал,
А сказать что было мне.

НЕСБЫВШЕЕСЯ

Я сам отошел на обочину,
И сам их вперед пропустил,
Они пронеслись озабоченно,
Уже выбиваясь из сил.
Давно ли восторженно пылкими
Их речи летели в зенит,
За их молодыми затылками,
Казалось, удача стоит.
Казалось, такие в безвременье

Бесследно пропасть не должны,
Не из того они племени,
Не для того рождены.
Но их будто недруги сглазили,
Исчезли они, как мираж.
Куда подевались фантазии,
Во что превратился кураж.

СЛЕЗЫ

Все слезы нечего равнять,
А слезы детские тем боле,
Одним слезу осушит мать,
Другим осушит ветер в поле.

Вот плачет девочка навзрыд
У деревенского детдома,
Косичка тонкая дрожит,
Как пересохшая солома.

Как будто жизнь на волоске –
Такая боль в глазах недетских,
Бегут слезинки по щеке,
И никуда от них не деться.

Бегут слезинки на халат,
На ситец розовый казенный,
В пыль придорожную летят,
Перестоявшие, как зерна.

Конечно, вырастет она,
Как все когда-то вырастали,
Но все же чья-то есть вина
В ее теперешней печали.

Еще сошьет себе наряд,
И дорогой, и модный самый,
Но не забыть ей про халат,
Надетый на нее не мамой.

В ЦИРКЕ

Свет густеет на круглой арене,
Словно вылито в ковш молоко,
Там порхает, как в матовой пене,
Акробатка в зеленом трико.

Все отчаянней дерзкие трюки,
Все сложней и опасней прыжки.
Каменеют у клоуна руки
И под гримом горят желваки.

Над ареной под пение скрипки
Пролетает с улыбкой она.
Даже страшно от этой улыбки,
Ей высокая слишком цена.

ТЕНИ

Смотрите, кто ходит в героях –
Злодей и гороховый шут.
От слов и поступков обоих
Мурашки по коже бегут.

Смотрите, кто нынче у власти,
А, впрочем, кого только нет.
Привычными стали напасти
И жутко от явных примет.

Всем слышно, как кто-то картавя
Несет несусветную чушь.
Принюхаться к этой отраве
Желания нет у чинуш.

Покуда журчат разговоры
И что-то внушается нам,
Как тени, снуют мародеры,
Страну прибирая к рукам.

ВЕХИ

Разве думал, что будет мне столько,
Что от лет потемнею, как пласт,
Что дружок мой единственный Колька
Раньше многих швартовы отдаст.

Разве думал, что жизнь пролетаю
И почти что врасту в самолет,
Что пройду не однажды по краю,
А, вернее, господь проведет.

Разве думал, что дети и внуки
Станут как запасной парашют,
Что поэзии вещие звуки
Навсегда в мою душу войдут.

Разве думал, что будет мне столько,
Что на жизнь по-иному взгляну,
Что накатит катком перестройка
И раздавит такую страну.

ВЕК

Еще язвил угрюмо Чехов,
Творил яснополянский граф.
Россия, в век двадцатый въехав,
Катилась к пропасти стремглав.

Ее подстерегали войны
И беззаконья торжество.
Узоры жизни многослойны,
Но, как у нас, ни у кого.

Век начинался с Порт-Артура,
А завершается Чечней,
И между этим – диктатура,
Разруха, космос и застой.

Век заключенных и солдаток,
Век новостроек и руин...
Я захватил его остаток,
Не худшую из половин.

СОБРАТУ

Не будем сопеть оскорбленно,
Когда нас не так назовут,
У нас за спиной не Сорбонна,
А ветреник – Литинститут.

За нами – Тверского бульвара
Мальчишечья звонкая прыть,
Суровый сквозняк семинара
И жажда когда-нибудь всплыть.

Как много тогда представлялось,
Но сбили с нарезки стиха
Кого-то душевная вялость.
Кого-то судьбы лемеха.

Нас много, хватило б и трети,
И те бы считали за честь.
И все-таки в каждом поэте
Неспетая музыка есть.

ДРУГИЕ ПРИМЕРЫ

Наконец, надо сблизиться с нею,
С этой жизнью, что богом дана,
И смириться, что дар поскромнее,
За другой бы – другая цена.

За другой бы... Мы помним примеры,
Как платили за ранний успех.
Сохранились еще револьверы,
Что смотрели зрачками на тех.

Разбивались любовные лодки,
Их снесло в окаянные дни.
От вина, от любви, от чахотки
Слишком рано сгорали они.

Уходили на гребне успеха
Под богемный трезвон щеголих.
По России стоустое эхо
Разносило легенды о них.

ВОЗВРАЩАЮСЬ К ТЕБЕ

Сыктывкар, я к тебе возвращался,
Даже если терялись следы,
По излому небесного галса,
На мерцанье Полярной звезды.

Возвращался к закату и утром,
Провидение к дому вело.
Вычегодская даль перламутром
Обливала косое крыло.

Ты всегда возникал панорамой,
Возвышался, белея, роясь,
Самый близкий, покладистый самый,
Перекинувший в прошлое связь.

Сыктывкар, я к тебе возвращался,
Как к назначенной свыше судьбе,
И когда уже не было шанса,
Все равно возвращался к тебе.

МОЛЬБА

Умоляю, господь, вразуми!
За сомнения, обиды и вины,
За напрасные споры с людьми,
За нездешние эти седины.

За не выпитый счастья глоток,
За судьбу, не цветастее клавиш,
За крутой и неправедный рок,
И за что еще, господи, знаешь.

Вразуми, чтоб понять этот мир
И напрасно дверями не хлопать,
Чтоб любого, кто беден и сир,
Поддержать без усмешки под локоть.

Чтоб о зависть глаза не обжечь,
От беды не бежать за веревкой,
Чтобы поле судьбы пересечь
Ни медведем, ни божьей коровкой.

ДАНЬ

В свету настольной лампы
Выплачиваю дань.
Неистовые ямбы
Царапают гортань.

От внутреннего гула
Набухли желваки,
Поэзия плеснула
Тревогою в зрачки.

Нахлынувшие чувства
Клокочут через край.
От этого искусства-
Хоть душу выжимай.

Как хлопья свежей соли,
Бумажной груды рвань.
Давно по доброй воле
Выплачиваю дань.

СЕВЕРЯНЕ

Среди нетронутых снегов,
Под знаком северных сияний,
В тиши завьюженных домов
Растут ребята – северяне.

Зима метельна и длинна,
Мороз дубасит в стены глухо,
Ночами в дом глядит луна,
Звезда лучом щекочет ухо.

Селом, как белые быки,
Бредут рогатые сугробы,
А за дворами вдоль реки
Сверкает лед первейшей пробы.

Лишь утро встанет с белых гряд,
Звенят замочные цепочки.
Ребята с берега летят,
Как будто катятся клубочки.

НАС МНОГО

Нас выделить трудно,
Как певчих из хора –
Нас много на этой земле.
Лишь чувство достоинства
Или позора
Печатью горит на челе.

Те чувства не скроешь
Под плотною маской,
Не вытравишь горьким вином.
Какие пороки
С понятной опаской
Подчас замечаешь кругом.

Ошибка считать,
Что все люди святые,
Что грешные – промах вдвойне.
Такие как есть:
И свои, и чужие,
Сограждане дороги мне.

На ткань этой жизни
С вниманием взгляните, –
Не слишком изящна она.
Соседствуют с крепкими
Слабые нити,
Но ткань не по виду прочна.

МОЙ ГОРОД

Вода и лес окольцевали
Тебя, мой город, навсегда.
Такую ширь, такие дали
Не все имеют города.

Между железною дорогой
И полноводною рекой
Твой герб с медведем и берлогой
Поставлен мудрою рукой.

Давно не признак глухомани,
Давно не символ старины –
Твой герб подчеркивает грани
Минувших лет и новизны.

Уже давно из подворотни
Твоих не слышно петухов.
Ты, может, в первой полусотне
В ряду российских городов.

Ровняя старые овраги,
Стоишь с ковшом наперевес,
И в горы глянцевой бумаги
Ты перемалываешь лес.

Нетерпеливою рукою
Ты ставишь трубы и дома,
Литой бетонною строкою
Ты пишешь целые тома.

ЛЕДОХОД

Уходит лед по Вычегде-реке,
Как по долине белая отара.
Уходит лед, оставив вдалеке
Холмистые пейзажи Сыктывкара.

Мороз ковал реки ледовый щит.
Трудился днем и долгими ночами.
Ледовый панцирь вдребезги разбит
Весенними колючими лучами.

Прошла такая длинная зима,
Река тугой расстегивает ворот.
Зари весенней светлая тесьма
Полукольцом охватывает город.

Я провожаю шумный ледоход,
Глаза на солнце ласковое щуря,
А по душе разбуженной идет
Такая ж очистительная буря.

Она смывает грусти пелену,
Крушит, как льды, былые заблуждения.
Все существо приветствует весну
В неодолимой жажде обновления.

Уходит лед по Вычегде-реке,
Бурлит вода и рвется из неволи.
Кусочек льда сжимаю в кулаке,
Не чувствуя ни холода, ни боли.

ДАЙ БОГ

Всегда на какой-нибудь службе,
Покоя и воли ни дня.
И Муза лишь, может, по дружбе
Еще навещает меня.

Ее сердобольные вздохи
Покоя давно не дают.
Неужто дела мои плохи?
Ведь сам я не чувствую пут.

Я весел бывал и печален,
Немало порол чепухи.
Дай бог, чтоб на полках читален
Мои не пылились стихи.

Дай бог, чтоб они зацепили
Всю душу, молитве сродни.
Из грез и докучливой были
Во мне вырастали они.

ПОТЕРИ

Досадны любые пропажи,
Теряешь не только рванье,
Пропала не молодость даже,
А лучшее после нее.

Когда уже что-нибудь значишь,
И так на мужчину похож,
Когда от любви не заплачешь,
А только в нее упадешь.

Когда под ударом проскочишь,
Догонишь удачи возок,
И, кажется, если захочешь,
Вселенная будет у ног.

Когда не бранятся вдогонку,
А в лица с надеждой глядят,
Когда еще годы в воронку
Не падают, как водопад.

СУДЬБА

Когда вокруг все рушится
До смысла жизни вплоть,
Судьбы своей ослушаться –
Не приведи, господь!

Ей многие перечили
И в малом, и в большом,
Живя в противоречии
И с сердцем, и с умом.

Когда повсюду тернии
И взглядов пламень злой,
Быть хочется примернее
Пред собственной судьбой.

Давно уж взял за правило –
Не спорить всуе с ней,
Что часом не оставила
Без милости своей.

ПРЫЖОК

Бывает, плохо спится,
Утрачен аппетит.
Беда седой волчицей
Поблизости кружит.

Пока лишь угрожает,
Не делая прыжка.
Наверно, выжидает,
Когда – наверняка.

Когда придавлен страхом,
Споткнешься, одинок,
Она единым махом
Раскрутится в прыжок.

Когда свирепой пастью
Дохнет она в лицо,
То, словно на запястье,
Защелкнется кольцо.

ВРЕМЯ

Заметно, как мелеют реки,
В углах темнеют образа,
И нависают ниже веки
На отсиявшие глаза.

Жужжит упрямое точило,
Сдирая жизни тонкий слой,
И где слезою намочило,
И где не тронуто слезой.

Меняет время глаз разрезы,
Что были слеплены творцом.
Эпоху гложущие фрезы
Не церемонятся с лицом.

Друзей выклевывают годы
И остывают очаги.
Внезапно ссорятся народы
И мирно сходятся враги.

СЫКТЫВКАР

Годами – не молод,
Душою – не стар.
Серебряный город,
Родной Сыктывкар.

Закатов, рассветов
Сияет кольцо,
Хороших поэтов
Здесь знают в лицо.

Ольховые блузки
Вдоль светлой реки,
Где коми и русский
Сошлись языки.

Бетонным коленом
Уперся в волну.
К сияющим стенам
Щекою прильну.

Услышу, мой город,
Все песни твои.
Годами – не молод,
Но полон любви.

АКРОСТИХ

Родина, все при тебе:
Опыт суровой расплаты,
Светлые годы в судьбе,
Слезы, победы, утраты...
Изредка – счастье и воля.
Яркая, трудная доля.

Воздушные скитальцы

* * *

Багровое солнце
Качнется на крыльях,
Рванет, словно тройка,
Горячий мотор.
Помчимся туда,
Где ветров изобилие,
Где взгляду подвластен
Небесный простор.
Порвем на лохмотья
Угрюмые тучи,
Натянем заката
Прозрачную нить.
Нас небо светлее
И чище научит
Прекрасную землю
Любить и ценить.
Потом приземлимся
Как будто впервые,
И в поле ржаное
Пойдем не спеша –
Не там ли стихи,
Безнадежно земные,
Найдет потрясенная
Наша душа.

ЛЕТЧИКИ

Друзья, воздушные скитальцы,
Вы облетали пол-Земли,
И ваши трепетные пальцы
В штурвалы тонкие вросли.

Седые мальчики, мужчины,
Вы только бредите о том,
Когда крылатые машины
Взлетят, тряхнув аэродром.

И рухнут вниз поля и реки,
Лишь только воздух, только звон...
О, это чувство в человеке
Неистребимо испокон.

Но вот вы сходите устало
С уже затихших кораблей,
И на земле как будто стало
Намного прежнего светлей.

ЗЕМЛЯНИКА

В глухом краю заросший луг,
В его траве, как первый иней,
Белеет пятнами вокруг
Недогоревший алюминий.

Лежат белесые листы,
Травою новой перевиты.
Кабины темные пусты
И так пугающе разбиты.

Их зверь подальше обойдет,
И птица их посторонится.
Лишь грустный свет на самолет
Уронит красная зарница.

И долго бродят по ночам
По лугу призрачные блики.
А днем земля здесь горяча,
Земля красна от земляники.

Но эти ягоды не рвут –
Их пальцы вытерпят едва ли.
Они созреют, упадут
И запекутся на дюрали.

КОЛОДЕЦ НЕБА

Только звук останется и звонко
Упадет за мною на траву,
Голубую ленту горизонта
Словно паутинку оборву.

Самолет немного покачнется,
Понесет меня по виражу,
Как в провал огромного колодца,
Я с небес на землю погляжу.

Подо мною все не настояще:
Мирно дремлют копны старых гор,
И река, как будто синий ящер,
Заползает в логово озер.

И плывут внизу косынки елей
Да полей цветные обшлаги,
Просеки, как нити параллелей,
Пролегли по зелени тайги.

Это дно небесного колодца,
А краев колодцу не дано.
Самолет шмелем залетным вьется,
Словно ищет полое окно.

АЭРОДРОМ

В оврагах оседает серый снег,
А здесь свои привычные заботы:
Начав с ужасным грохотом разбег,
Взлетают и взлетают самолеты.

И день, и ночь гудит аэродром,
Зовет к себе манящими огнями,
Земля от гула ходит ходуном,
Земля дрожит заметно под ногами.

Вокруг звучат земные голоса,
Ласкает взгляд привычная картина –
Вдали блестит бетона полоса,
Как Млечный Путь,
упавший на равнину.

Я ухожу, моторный перезвон,
Протяжный грохот слышится вдогонку,
А впереди далекий горизонт
Багровой птицей метит на бетонку.

* * *

Нас тяготения оковы
Поймали, словно невода.
И каждый взлет еще – рисковый,
И возвращение – не всегда.

Как будто с небом связь порвется,
На землю кто-то упадет.
Так кто ж из нас не обернется
На пролетевший самолет?

Частица нашего, земного
Летит звезде наперерез.
О, как для нас он значит много,
Как мало значит для небес.

Не потому ль у наших женщин
Такие грустные глаза,
Когда, до крестика уменьшен,
Он прорезает небеса?

* * *

Синеглазая авиация,
Синь петлиц у плеча,
Появилась ты под овации,
Словно трюк циркача.

Гнулись дугами крылья узкие,
Для небес тяжела.
Ты по капельке в каждом мускуле
Силы впрок берегла.

Лишь мечтала о невесомости,
Но уже смельчаки
Выжимали такие скорости,
Что ломили виски.

СКВОЗЬ ОБЛАКА

Гудело и дрожало
Горячее крыло,
Как лезвие кинжала,
Сквозь облако прошло.

По разогретым стеклам,
Летящим напролом,
Хлестало паром блеклым,
Как ситцевым платком.

И, кажется, шипело
От скорости крыло,
В кабине потемнело,
Как солнышко зашло.

Мы потеряли в гуле –
Где небо и земля,
Как будто нас втолкнули
Под шубу февраля.

Но шубу разрывая
Уверенным крылом,
Мы прямо в царство мая
Взлетим над февралем.

И след оставив пенный,
Неведомым путем
По зеркалу Вселенной
Мы тихо поплывем.

* * *

За миг один полета,
За крылья за спиной
Расплачивался кто-то
Смертельною ценой,

С высоких колоколен
Бросались наугад –
Подьячий небом болен
И отставной солдат.

Не от небесной кары,
От дерзости своей
Безвестные икары
Стонали у церквей.

Их не задела слава,
А смерть не обошла,
Но вызрело кроваво
Подобие крыла.

В тех муках и усилиях
Взошли свои ростки –
И в самолетных крыльях
Есть контуры руки.

ЖИЗНЬ

Небо. Аэродромы.
Воздух и дрожь крыла.
С жизнью полузнакомы,
Словно та вскользь прошла.

Небо сушило веки,
Падало в глубь зрачков.
Где-то плескались реки
В зарослях ивняков.

Где-то вскипали чувства,
Меркла от них свеча.
В небе ж, как странный сгусток,
Облако у плеча.

Встречи и расставания,
Часто через нельзя,
Часто за самой гранью
Смысла и бытия.

Утро нам щеки мылит,
С рамы стекает мгла.
Надо опять на вылет.
Так вот и жизнь прошла.

* * *

День Воздушного Флота.
Светлый праздник души.
Ощущенья полета
Бесконечно свежи.

Далеко в Заполярье
Был проложен маршрут,
За небесною хмарью,
Может, нас еще ждут.

Мы свое отлетали,
В том вины нашей нет,
На лучистом дюрале
Свой оставили след.

День Воздушного Флота.
По бокалу нальем.
Как щемящая нота,
Гул турбин за окном.

Сколько лет за спиною
Эти звуки неслись,
И над жизнью земною
Поднимали нас ввысь.

День Воздушного Флота.
Что-то дрогнет в груди.
Неземная работа,
Как этап, позади.

ЛИНИЯ КРЫЛА

Бывавший в небе сам поймет
Его причуды и замашки.
В полувоенные фуражки
Одет летающий народ.

Там неизбежностью была
Суровых правил диктатура,
Она крепила, как нервюра,
Косую линию крыла.

Причастный к небу никогда
Не посылал ему упреки,
Мы слишком в небе одиноки,
И так безжалостна среда.

Когда срываемся с земли,
В том есть мистическое что-то.
Обожествляя самолеты,
Мы, как друзей, их берегли.

ВЗЛЕТ

Самолет, на Россию похожий,
Всеми стеклами смотрит в зенит.
У него под дюралевой кожей
Каждый нерв от азарта дрожит.

Небесам создавались в угоду:
Тонкий клюв, очертания крыл.
Бесподобную эту породу
Полстолетия народ выводил.

На бетоне стоим, на котором
В небеса начинается путь.
Мы на взлете и к нашим моторам
Можно враз городок пристегнуть.

Покачнется земля и отскочит
От шасси суеверным прыжком,
Потому что небесные клочья
Понесутся на нас косяком.

Понесутся, как лютые волки,
С высотой набираясь вдвойне.
Хлещет дождь по дюралевой холке
И мурашки бегут по спине.

ПОСАДКА

Перемело пути,
Вьюга, что волкодав.
Только б с небес сойти,
Что-то не поломав.

Только б аэродром
Снегом не занесло,
На вираже крутом
Не подвело крыло.

Штопор такой пурги
Небо расковырял.
Господи, помоги,
Не отпускай штурвал!

Знаки по курсу в ряд,
Снег пеленой в глаза.
Наперебой визжат
Вьюга и тормоза.

* * *

Какое счастье и мученье,
Лесная родина моя,
Что на заре крылатой тенью
Я пересек твои края!

Передо мной предстал и ожил
Далекий мир далеких лет,
На мир реальный непохожий,
Как бы прошедший призму свет.

Я мира этого частица,
И в нем цветут мои цветы,
Но на него я, словно птица,
Смотрю с огромной высоты.

И там не явственно, а смутно
Синеют дальние холмы.
Там золотое всходит утро,
Там молодые всходим мы.

НОЧНЫЕ САМОЛЕТЫ

Когда от края и до края
Природа в сон погружена,
Кого-то сверху окликая,
Зовет басовая струна.

Я выхожу на луговину,
На зыбкость стынущей травы,
И, к небу голову закинув,
Внимаю звукам громовым.

И вдруг охватит ретивое
Такой знакомою тоской –
И мне ведь небо не чужое,
И я для неба не чужой.

И мне понятно и знакомо
То ощущение волшебства,
Когда бетон аэродрома
Натянут, словно тетива.

ТРАССА

В небе лучшая трасса –
Над родимым крыльцом,
На обрез плексигласа
Наплывает мой дом.

Он на нитке дороги
Алой каплей висит.
Может быть, на пороге
Мама смотрит в зенит?

С рук не сходит котенок,
Тихо ластится к ней,
Серой лапкой спросонок
Намывая гостей.

До обидного рядом
Стороной пронесет,
Над крылечком и садом,
Скорость – за девятьсот.

По рассыпанным зернам
Желтоватых ракит
Мимо облачком черным
Тихо тень пролетит.

Лишь протяжен и тонок,
В небе слышится звук,
И у мамы котенок
Выпадает из рук.

ПРОЩАНИЕ

Вот и все, простился с небесами,
Сизый след оставив в вышине.
Напоследок мокрыми устами
Прикоснулось облако ко мне.

Многих небо так же целовало,
Словно тайно ставило печать,
Чтобы молний огненное жало
От других могло бы отличать.

Относил я летную фуражку,
Далеко и бережно убрал.
Поживу с душою нараспашку,
Не цепляясь ею за штурвал.

Вот и все, окончены скитанья,
Что навек останутся в крови.
До свиданья, небо, до свиданья,
На земную жизнь благослови.

СТАРЫЙ САМОЛЕТ

Распластав перебитые крылья,
Самолет доживает свой век.
Он стоит, засыпаемый пылью,
В окружение таких же калек.

По жестоким небесным законам
Он давно уж свое отлетал.
Отгудел по таежным районам,
Отработал надежный металл.

Ожидает нас эта же доля,
Отсияет и наша звезда.
На последнее летное поле
Мы вернемся уже навсегда.

Будем жить хорошо или плохо,
Но не в этом глубинная суть –
До черты, до последнего вздоха
Будет в небо как прежде тянуть.

ПЕРЕМЕНЫ

Того, кто помнил, всех благодарю,
Кто позабыл, не буду обижаться,
Я по другому жил календарю
И не спешил оттуда возвращаться.

Почти два года не был на земле,
Писал сухие строки в борт-журнале.
Мои стихи на письменном столе
За это время горечь набирали.

Прошли года и я сменил перо,
Нашлось другое стоящее дело,
Но облаков густое серебро
На строки запоздалые осело.

Я ничего с тех строк не соскоблил,
Не сдунул сверху розовую пену.
Небесных сфер певец и старожил,
Я знаю их значение и цену.

Перышко любви

О ТЕБЕ

Ты везде: в стихотворении,
В звуке, в музыке, в судьбе.
У берез – твои колени,
Птичий щебет – о тебе.

Ты во всем: в лучистом взгляде
Поздней северной зари,
В снеговой ольховой пряди,
Где заколкой снегири.

Ты во всем: в небесном громе,
В перезвоне светлых вод,
О тебе былое в доме
Половицами поет.

У тебя покой, как в храме,
В стороне от всяких смут.
На заре к тебе снегами
В гости ангелы бредут.

НА ГОЛОС

Ты окно в весну протерла
От угла и до угла
Ты с простуженного горла
Шерстяной платок сняла.

И в веселом отголоске
Ловишь признаки торжеств,
В светлой раме, словно в воске,
Отпечатался твой жест.

За обычными делами,
Как на голос, обернись!
Пересохшими устами
Над тобой колдует высь.

БОГИНЯ

Мелькнула тенью светлоликой
И не оставила следа,
Но с красотою, как с уликой,
Тебе не скрыться никуда.

Нельзя пройти, не впившись взглядом
В густое облако волос.
Как во хмелю с тобою рядом
Молчун и то сладкоголос.

Тебя порой не остановишь,
Пойдешь по краю до конца,
Лишь что-то странное уловишь
В чертах прекрасного лица.

Богиня, фея, амазонка,
Берущая без боя в плен,
Твой смех рассыпавшийся звонко
Опасней пения сирен.

БЫЛОЕ

Когда воскреснет все былое,
Сияя, как иконостас,
В лицо безмерно дорогое
Смотрю не отрывая глаз.

Все память ясно сохранила,
Как под магическим стеклом,
Что возвышало и пьянило,
И продувало сквозняком.

Что в нас вошло, как дрожь по кронам,
Пронзило судьбы, как лучом.
Былое дивным камертоном
Звучит в присутствии твоем.

В ГЛАЗАХ

Боль стучит в висок, как дятел,
А, казалось бы, пустяк –
Не запутался, не спятил,
Размечтался и обмяк.

Накатило в душу что-то,
Я в твоих глазах увяз.
Но любого, как в ворота,
Можно вытолкнуть из глаз.

Хлопнет дверь, душа качнется
На таинственных весах.
Что-то новое начнется,
Но уже в других глазах.

* * *

Приземлен и телесен,
Если можешь, прости.
За отсутствие песен,
За неровность пути.

За нетвердую руку,
За прохладу в крови,
За смешную науку –
Покоряться любви.

Что в эфирах блуждаю,
Если пью – по ковшу,
Что по самому краю
У судьбы прохожу.

УХОД

Ушел, чтоб от чувства остынуть,
Заштопать событий рванье,
Чтоб в сердце свое опрокинуть
Сияющий облик ее.

Ушел, чтобы голос не слышать,
Но знать, что во след поглядит,
И, может, из памяти выжать
Очей сероватый магнит.

Ушел, но хотел воротиться,
Взойти на крутое крыльцо,
Где летняя пыль золотится,
И светится это лицо.

Вобрать этот лик без остатка,
Чтоб грузно просела ступень.
Мелькнет только русая прядка,
Как будто обдуло сирень.

ИЗ ДЕТСТВА

Заросшие канавы,
Заветные места.
Мальчишечьи забавы:
Горелки и лапта.

Еще любили в прятки,
Бывало, удеру...
И на шестом десятке
Сыграл бы в ту игру.

Унесся бы крылато,
Чтоб леший не нашел,
Как прятался когда-то
За маменькин подол.

В мальчишеские дали
Душою уплыву,
Чтоб годы прошуршали
Назад по рукаву.

ЖЕНЩИНА ПЕЧОРЫ

Теплоход звонкой марки «Заря»
Резвым селезнем плыл по Печоре,
Где давно уже флаг сентября
Выгорал на прибрежном просторе.

Мы сошли у большого села,
Никому еще в нем не знакомы,
На причал лишь собака пришла,
Да и та, как охапка соломы.

Утро только съезжало с горы
Под отчаянный крик петушиный,
На реке догорали костры,
А вокруг ни людей, ни машины.

Вышла женщина к нам на крыльцо
И без слова нас в избу впустила,
Только вспыхнуло светом лицо,
Словно пламя его озарило.

Усадила за стол на скамью,
Принесла все что водится в доме,
Чем-то тронула душу мою
Эта кроткая женщина коми.

Было столько в глазах доброты,
Столько нежности в тихом рассказе,
Словно женщина эта цветы
Разбирала в расколотой вазе.

Я смотрел на нее не дыша,
Материнскою лаской согретый –
Если есть золотая душа,
То она вот у женщины этой.

ИЗ БЫЛИНЫ

Старинное имя Людмила
Ты, словно корону, носи.
Недаром его получила
В наследство от тихой Руси.

Но время в тебя подмешало
Немного чужого огня,
Поэтому девочкой шалой
Всегда ты была для меня.

Но все равно северной стати
Ничем от тебя не отнять –
Любое к лицу тебе платье,
К лицу тебе русая прядь.

Забытое имя Людмила
Своею судьбой воскреси,
Для всех ты, которых любила
И будешь любить на Руси.

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Постучалась осень,
Как дурная весть,
Обещалась в восемь,
Заглянула в шесть.

И волной тумана
Обожгла висок.
Отчего так рано,
Почему не в срок?

Здесь тебя не ждали,
Ты зачем пришла?
Все мои печали
Разом принесла.

Бледной позолотой
Брызнула вокруг,
Уронила что-то
Из холодных рук.

Серебристый ключик
Зазвенел, как лед,
Кто его получит –
Тосковать начнет.

Будет жить уныло
На закате дня.
Ключик уронила
Ты не для меня.

ОЖИДАНИЕ

Мы стоим и мерзнем
У реки вдвоем,
На рассвете позднем
Перевоза ждем.

В тайной ли надежде,
Что у этих вод
Пылкое, как прежде,
Чувство оживет?

Но не станет новой
Порванная нить,
Невозможно словом
Чувство воскресить.

* * *

Золоченую уздечку
В воду бросила луна,
Говорят, что эту речку
Звери выпили до дна.

Затерялась и пропала
Говорливая река
Среди веток краснотала,
Между листьев тростника.

Лишь осталась, как отрада,
В шумных дебрях камыша
Стародавняя прохлада –
Речки высохшей душа.

Да в низинах остаются
Речки сказочной следы,
Голубые лужи – блюдца
Застоявшейся воды.

Если дома затоскую,
То в лесную благодать
Я уздечку золотую
Ухожу тогда искать.

Чую сердцем, золотая
Та уздечка – для меня,
Только ею зауздаю
Я крылатого коня.

ИСПОВЕДАЙ

Как бывало, меня исповедай,
Загляни в мою душу до дна.
За пронзительно честной беседой
Пусть очищена будет она.

И свободна от зла и гордыни,
Для любви возродится опять.
Только горечь, как запах полыни,
Будет долго над нею витать.

Горечь эта пройдет и растает,
И, как ветер на ветках листву,
Время грубым перстом пролистает
Неудачную в жизни главу.

И ничто не напомнит об этом,
Я и сам не хочу миража.
Напоенная горестным светом,
Исцелится больная душа.

Как бывало, меня исповедай,
Разгони заблуждения рой.
Навсегда будет нашей победой
Обретенный в страданиях покой.

ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ

Я знаю, ты любишь цветы,
Но в наших лугах на полгода
Снегов голубые холсты,
Как в горнице, стелет природа.

Откуда же взяться цветам,
Когда всюду властвует холод.
Вот месяц и тот пополам,
Как будто ледышка расколот.

В короткие зимние дни
И к вечеру в сумерках блеклых
Цветам прошлогодним сродни
Мерцают узоры на стеклах.

Твои оживают глаза,
Когда упираешься взглядом
В соцветия, как в образа,
Подбитые тонким окладом.

Я знаю, ты любишь цветы,
Они – твои символ и вера.
Чужда бытовой суеты
Чистейшая их атмосфера.

ДВЕ ЛЫЖНИ

Мы здесь живем из-за лесов,
Из-за воды, из-за прохлады.
Мороз, как ловкий птицелов,
Следит за всеми из засады.

Но избегая западни,
По целине, по первопутку
Бегут две зыбкие лыжни,
Соединяясь на минутку.

Природа сладостно близка,
Снега до рези светоносны.
К себе зовут издалека
Полузасыпанные сосны.

Лесов и снега благодать!
Наш путь пошел за половину.
Не бойся милая отстать,
Тебя я в мире не покину.

Зажглись вечерние огни.
На гребне жизненного круга
Петляют наши две лыжни,
Не отдаляясь друг от друга.

ТВОИ ГЛАЗА

Твои глаза так трудно передать
И красками, и музыкой, и словом,
Когда во взгляде нежно – васильковом
Таинственная зреет благодать.

Скрываются из вида иногда
Твои глаза, чтоб снова появиться.
Так отлетает вспугнутая птица,
Чтоб оказаться снова у гнезда.

Твоим глазам исчезнуть не дано,
Пока я в этом мире не исчезну.
Но и туда, в пугающую бездну,
Их свет найдет сокрытое окно.

Ну, а пока смотрю не насмотрюсь
В твои глаза с опасной синевою.
Их тайну я когда-нибудь открою,
В оттенках уловимых разберусь.

УТРОМ

Застилает русло
Медленный туман.
Солнце светит тускло,
Скука и дурман.

Скользкий край парома
К берегу пришит,
Мокрая солома
Светлым швом лежит.

Хлюпает под днищем
Тусклая вода.
Что мы в мире ищем
И бежим куда?

Утренние думы
Не дают уснуть,
Холодом угрюмым
Наполняют грудь.

Прошлое настигло
На пути врасплох,
Распустило иглы,
Как чертополох.

Сердце исцарапав,
Было таково,
Юркнуло по трапу
Злое существо.

ЖЕНЩИНА

На работу в обычные сроки
И с работы без четверти шесть.
От такой ежедневной мороки
Все должно бы давно надоесть.

Но когда подойдут выходные
И спадет напряжения дрожь,
Ты подкрасишь ресницы густые
И царевной по дому пройдешь.

Все в тебе до черты, до предела,
Ты из крайностей вся создана,
Только пошлость тебя не задела,
Не оставила даже пятна.

ПЕРЫШКО ЛЮБВИ

Весенний свет твой облик выткал,
Небесной пылью обволок,
Укрыл зеленою накидкой
На шее русый завиток.

Речными блестками осыпал,
Наполнил тайной светлый взгляд.
Ветра до утреннего всхлипа
Всю ночь тебя боготворят.

К тебе стучат деревья в раму,
Ты их случайно не вспугни,
И без того летят, как в яму,
Из дыма скомканные дни.

Возьми их в теплые ладони
И всей душой благослови.
Судьба тебе на подоконник
Обронит перышко любви.

СОПЕРНИЦА

Бывает, что в неге предутренней
Закрыт поцелуями рот.
С годами стаешь целомудренней,
Но плоть еще привязи рвет.

С годами стаешь искушеннее,
От страсти не сходишь с ума,
Но плоть не стает отрешеннее,
Поступками правит сама.

Пусть юности в это не верится,
Пусть каждый себе господин,
Но плоть еще духу соперница
До самых глубоких седин.

ВЗГЛЯДЫ

Отвернусь от упорного взгляда,
Как от близкого, злого огня.
Мне и то уж большая награда,
Если так не глядят на меня.

Если глупых не ставят вопросов,
Допекая опять и опять.
Я еще не на столько философ,
Чтоб спокойно на них отвечать.

Чтоб терпеть откровенную ересь,
От стыда отвернувшись к стене.
Но ожгут, хладнокровно примерясь,
Взглядом, словно кнутом, по спине.

Словно швы на лице распоролись,
Смотрят гневно сухие зрачки.
Как зашить эту узкую прорезь,
О глаза не поранив руки?

В ЗЕНИТ

Лет обильное крошево
По бетонке пылит,
Все, что было хорошего,
Просвистело в зенит.

Что пьянило и мучило,
Возвышало и жгло,
Как ожившее чучело,
С глаз долой убрело.

Лишь далекое зарево
Медным тазом горит.
Что имел и раздаривал,
Просвистело в зенит.

ЭТО СВЯТОЕ

О том говорится не мало,
Как можно и нужно любить.
И все ж о любви не пристало
На каждом углу голосить.

Ведь все-таки это святое,
Дается на все времена.
Пусть знают об этом лишь двое,
Пусть знают лишь он и она.

Другим бы не знать и намеком,
Что втайне случается с ней.
Любовь под завистливым оком
Нахохлится, как воробей.

* * *

Не самая обычная
В обители земной,
До мук косноязычия
Ты выстрадана мной.

В потоках неизбежности
Сошлись у нас пути.
Какую ж залежь нежности
Нам выпало найти.

Души моей владычица,
Ты только позови,
Туда, где рядом высятся
Два холмика любви.

МАСТЕРИЦА

Давно искала материал
Для рукоделья.
Он подвернулся, не сбежал,
Не хлопнул дверью.

На недостаток мастерства
Не обижалась,
Чтоб испытать его, сперва
К нему прижалась.

Он встрепенулся и обмяк,
Щекой потерся,
Стал неожиданно чудак
Покорней ворса.

Она легонько каблучком
Его прижала,
И тонкой гладью, и крестом
Завышивала.

СОВЕТ

Вам быть задумчивой идет,
В том ваша сила и спасение.
Сударыня, не открывайте рот,
Чтоб не испортить впечатления.

Колдуйте уголками губ,
Чаруйте узенькою бровью.
Мужчина не настолько глуп,
Чтоб не заметить пустословия.

Вы отобьете аппетит
И записному волоките,
Когда прекрасная на вид,
Не промолчав, заговорите.

ДУША

Быть рядом, но медлить кругами,
Быть близко, но сдерживать страсть.
Случайно коснувшись крылами,
От этого вниз не упасть.

Любить глубоко и негромко,
Прясть чувства заветную нить,
И знать, что душа скопидомка
Все может в себе сохранить.

И знать, что святое не выдаст
На пошлую сплетню толпе,
Лишь зябкому чувству навырост
Порушит барьеры в себе.

ВО ВРЕМЕНИ

Душа, словно сонная заводь,
Не хочется знать ни о ком,
А только во времени плавать
Слегка поводя плавником.

Скользить по событиям и датам,
Тревожа затихшую гладь.
И снова себя виноватым,
И правым себя ощущать.

Зарыться в такие потемки,
Что явится самая жуть...
Застыть у пугающей кромки
И тихо назад повернуть.

Течением ударит о берег,
Вернет на отрезок земной.
Чего испугался, Валерик?
Ведь все это было с тобой.

* * *

Бывали и медные трубы,
Но чаще огонь и вода.
Бывали и жаркие губы,
И пресные, как лебеда.

Бывали такие полеты,
Что молнии сыпались с крыл,
Но все же в небесные соты
И я кое-что отложил.

Случались стихи – откровения,
Как будто шептала их высь.
А те, как сырые поленья,
С чего-то в душе не зажглись.

Бывали больные занозы,
Я их выдирал целиком,
И только незваные слезы
Обратно втирал кулаком.

СТРОФЫ

1.
Я, как старый запущенный сад,
Где повсюду разросся шиповник,
Где давно фонари не горят
И цветы не сажает садовник.
В том саду запустенье и мгла,
А по осени просто уныло.
В том саду ты давно не была,
Да и то – ничего не забыла.

2.
То ли черт испугался молитвы,
То ли ангел подставил крыло,
Их теперь, как по лезвию бритвы,
По черте роковой пронесло.
Вихрем времени вниз не столкнуло,
Не отбросило с силой назад,
Только зябко от встречного гула
Опаленные веки дрожат.

3.

Ничто капиталы и власть,
Когда есть на свете другое –
Вдруг в дивные очи упасть,
За грудь зацепившись рукою.
Ничто знаменитость и лоск,
Что силой иные достигли,
Все это, как призрачный воск,
Растает у времени в тигле.

4.

Ночами подушку не комкай
И с прошлым так сразу не рви.
Самой ведь хотелось негромкой,
Спокойной и ясной любви.
Самой ведь хотелось сорваться
И в сильные руки упасть,
За всю свою жизнь насмеяться,
От счастья наплакаться всласть.

5.

Я уже на рожон не полезу
И мечтательный взор не вспугну,
Время, словно резцом по железу,
Настрогало в виски седину.
Сердце стало совсем молчаливо,
Повидало всего на веку.
Но зачем я стою у обрыва
И опять примеряюсь к прыжку?

6.
Тут может быть тысяча мнений,
Но опыт нельзя отвергать –
Из даже благих побуждений,
Нельзя никого приручать.
Иначе повиснут на шее,
Вопьются глазами в глаза,
Обнимут, как можно больнее,
Да так, что покатит слеза.

7.
Есть одиночество – награда
За прежний шум, за суету,
Когда общения не надо,
Но тянет к чистому листу.
Уединившись, как отшельник,
Уходишь в прошлое, как в скит,
И только времени ошейник
Неодобрительно скрипит.

8.
Осенний свет в твое окошко
Прощальным лучиком блеснет
И потревожит, хоть немножко,
Забытых чувств водоворот.
Мы в этом мире постояльцы,
Придет пора – и за порог.
Сплетая трепетные пальцы,
Мы продлеваем этот срок.

9.
С доисторических времен
Звучит полушутливо:
– Мужчина должен быть умен,
А женщина – красива.
Но если женщина умна,
Да еще красива –
Хлебнет до чертиков она
И счастья, и надрыва.

10.
Казалось, расстанутся с миром
И мало что вспомнят они,
Никто из них не был кумиром
Друг другу и в лучшие дни.
Их вечно холодному дому
Давно уж не страшен урон,
Но боязно рвать по живому,
Как святость царапать с икон.

11.
Не скажу, что идеал –
Есть на прошлом пятна,
Не скажу, что в рот не брал,
Брал неоднократно.
Не скажу, не дерзил,
Всякое бывало,
Но из всех душевных сил
Жаждал идеала.

12.

Говоришь, что бываю я резким,
Но ведь это не трудно понять,
Иногда поздороваться не с кем,
А не то чтоб, как друга, обнять.
Понял я, после бед успокоясь,
Что удача, как мартовский наст,
Если ухнешь, то сразу по пояс,
И навряд ли кто руку подаст.

13.

Все думалось: – Небом живу
И с ним все на свете осилю.
Казалось, и жилы порву
За небо, за дом, за Россию.
Так было. И рвал, и тянул,
Особо себя не жалея,
Поэзии внутренний гул
Меж тем становился сильнее.

14.

Мы снимались и вместе, и врозь,
Фотографий скопилось немало,
Время мутью на них растеклось
И безжалостно нас оболгало.
Объектив не способен на лесть,
Как бы ловко его не крутили.
Слава богу, мы все- таки есть,
И, пожалуй, не хуже, чем были.

15.

Когда душа повисла
Над пропастью глухой,
Нет повода и смысла
Соперничать с судьбой.
Пусть будет так, как будет,
Без пропусков, подряд.
Родные не осудят,
Чужие не простят.

16.

На склоне лет, на самом склоне,
Вдруг замечает человек,
Что на последнем перегоне
Судьба ускорила свой бег.
Что все расхлябанней вагоны,
Все угрожающей гудки,
Уже последние поклоны
Неосязаемо близки.

17.

Брожу в гнетущей тишине,
Наверно, с целью доискаться,
Что было истинным во мне,
Но не могло сформироваться.
Был дан на выучку судьбе,
С ее пронзительных уроков
Бывало мне не по себе,
Но не бывало одиноко.

18.

От надежды к отчаянию
По прямому лучу,
Как в скорлупке запаянной,
Я, бывает, лечу.
От отчаяния к радости –
Роковой поворот.
От безверия к святости
Ту скорлупку несет.

19.

Осмеивать будут невежды,
Кривя беспощадные рты,
И малые наши надежды,
И робкие наши мечты.
Ну что ж, нам и это не внове,
Давно через это прошли.
Мы с ними не братья по крови,
Так все они к черту пошли.

20.

Я – среднестатистический,
Почти что из крестьян,
Характер артистический
С рождения не дан.
Все предки были практики,
И все – при голове,
Со знаками Галактики
По-своему в родстве.

21.

Спасибо, всей жизни спасибо,
За звонкий ручей ремесла,
За то, что бездушия глыба,
С дороги меня не смела.
За путь, за рискованный выбор
Теперь никого не кляну,
За город с названием Выборг,
За женщину только одну.

22.

Вот и хлесткое слово нашлось,
Побольнее осиного жала.
Это слово пронзило насквозь,
До последнего нерва достало.
Сколько сора в судьбу нанесло,
Сколько всякого было на свете.
И теперь за свое ремесло
Надо быть перед кем-то в ответе.

23.

Чьи-то взгляды скользят по плащу,
Словно фары по темному полю,
Дальше глаз никого не пущу,
Ковыряться в душе не позволю.
Сквозь ресницы никто не пройдет,
Как сквозь самое частое сито.
Не приму любопытства расчет,
Мной и так все, что можно, открыто.

24.

Прильнув к зачарованным ивам,
Распутывай лета силки,
Себя ощущая счастливым,
Озона глотай пузырьки.
Босым по лужайке побегай,
Щекотку травы ощути,
Глубинное силой и негой
Толчком отзовется в груди.

25.

Бабье лето. Осенины.
Осенило неба высь.
Кисти спелые рябины,
Как фонарики, зажглись.
Широко и безоглядно
Осень вскинула крыло.
На душе еще отрадно,
На душе еще тепло.

СОЗВУЧИЯ

Наверно, вам я мало интересен,
Боюсь, что сразу это не пройдет,
Нет у меня ни музыки, ни песен,
Ни вежливых, испытанных острот.

Вокруг меня нет ауры беспечной,
Самокопанье – кара и удел,
Все оттого, что в век бесчеловечный
Я, может быть, случайно залетел.

Попал сюда, как в логово барсучье,
И не могу освоиться в миру.
Живу давно, но нужные созвучья
Всему, что есть, душой не подберу.

А ведь она, как добрая вещунья,
Вела меня, о многом говоря,
Но в ней теперь не празднество июня,
А холодок начала сентября.

СЕТИ

Холодно на свете,
Никнут лопухи,
В утренние сети
Пойманы стихи.

Бьются плавниками
В зыбкой западне,
Скользкими боками
Не даются мне.

Искорки чешуек
Светятся в руке.
Чувствуешь, бушует
Жилка на виске.

О ЖЕНЩИНЕ

Вдруг женщина с загадочным лицом,
С нетающей джокондовой улыбкой
Уколет память пристальным зрачком,
И прошлое покажется ошибкой.

Вдруг женщина о чем-то намекнет,
Что ни к чему ее не обязует,
И отношений новый поворот
Воображение живо дорисует.

Вдруг женщина, нечаянно дразня,
Лукаво самолюбие заденет,
И маску из смирения на полдня
На всю себя торжественно наденет.

Вдруг женщина, как дивная звезда,
Сквозь тучи быта лучиком пробьется.
Любовь и тайна, счастье и беда –
Все это вместе женщиной зовется.

БЛАГОДАТЬ

Знать бы только заранее,
Что жива благодать,
Что простое желание
Не заставит страдать.

Знать бы только примерное
Положение вещей,
Жить бы стало, наверное,
Несравненно теплей.

Знать, что светом по донышко
Напиталась душа,
Что судьбу, как суденышко,
Не растреплет, круша.

ГОСТЬЯ

Не водитесь с обидой и злостью,
Не ищите изъяна в судьбе,
А любовь, эту редкую гостью,
Навсегда позовите к себе.

Пусть она не спеша обживется,
Скинет шубу, наденет халат,
Не однажды о быт обожжется
И поплачет, почуяв разлад.

Вспыхнет утром от нежного счастья,
Убежит и вернется опять,
А потом от родного запястья
Не захочет ладошку отнять.

А потом каждым нервом и клеткой
Растворится в совместной судьбе.
Только б встретиться с гостьею редкой,
Только б сразу заметить в толпе.

ВЕСЕННИЕ БЛИКИ

Распогодилось, синью плеснуло,
Застучало капелью в окно.
Словно штору от зимнего гула,
Март развесил свое полотно.

И повсюду весенние блики
Полетели, порхая, струясь,
Заслоняя метелей улики,
Расплетая морозную вязь.

Так же, так же на женские лица
Эти блики румянцем летят,
Заставляя всю душу раскрыться,
Наполняя сиянием взгляд.

Словно кто-то волшебною кистью
По ресницам и векам провел,
Потакая весны бескорыстью,
Проникаясь в ее произвол.

Вся природа спешит к перепутью,
Где теперь появилась весна.
Вот и женщина самою сутью
Всем законам природы верна.

СОЗВУЧНОСТЬ

Луна, словно лыковый лапоть,
Заброшенный на небеса,
Как тянет смеяться и плакать,
И с неба ловить голоса.

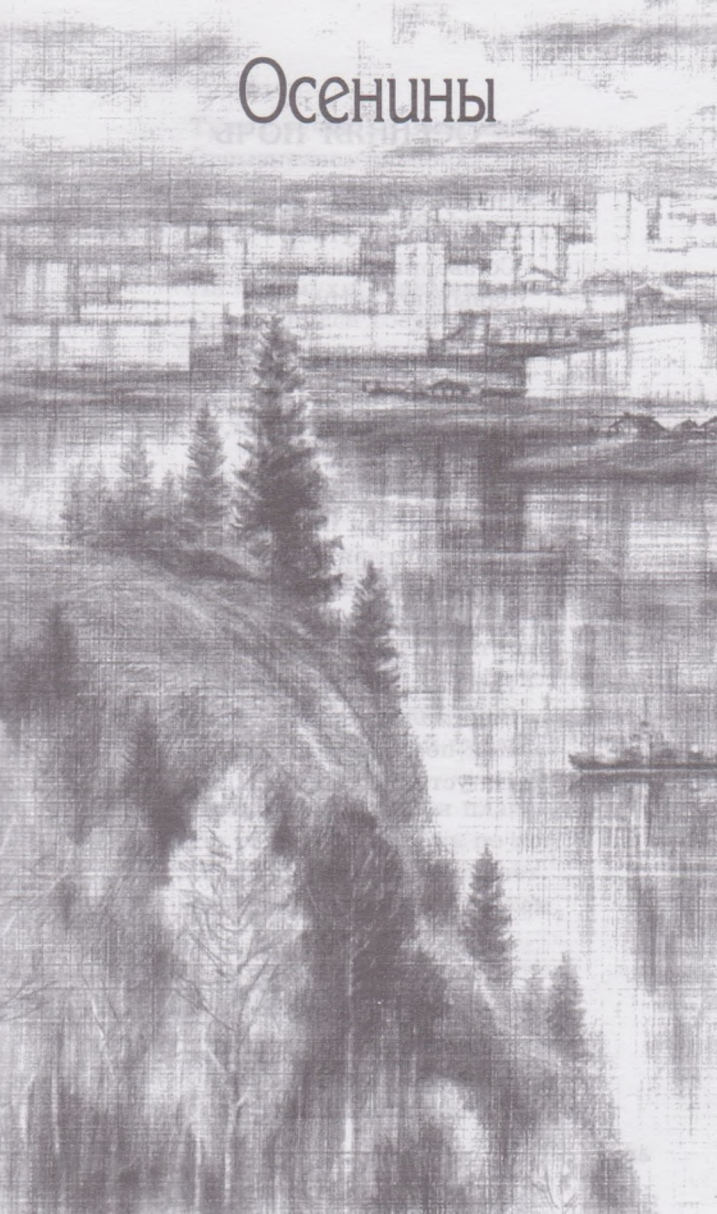
Как хочется, душу пришпоря,
Подняться в небесную синь,
Чтоб вольно парить на просторе,
Гусей не дразня и гусынь.

Как хочется раскрепощения
Измученных чувств и души,
Не слышать ничьи поучения,
Как не были б те хороши.

Как хочется мира и лада,
Созвучности мыслей и слов,
Спокойного, ясного взгляда,
Пронзительно-честных стихов.

Но так не бывает, пожалуй,
Иные удачи не в счет...
Судьбу, словно плот обветшалый,
По самой стремнине несет.

Осенины



ОСЕННЯЯ НОЧЬ

По пустынным задворкам,
Заведясь до утра,
Со звериным восторгом
Завывают ветра.

Чьи-то быстрые тени
И глухие шаги,
Окна, словно мишени,
И не видно ни зги.

Не туманная проседь,
А промозглая тьма.
Запоздалая осень,
А за нею зима.

Непривычно и жутко
Занималась заря,
Как последняя шутка
На устах октября.

ТУЧИ

Туча к туче в небе чалится
Необъятным кораблем,
Ничего не получается,
Только молнии и гром.

Туча с тучей не поладила,
Огрызнулась невпопад,
И пошла гулять громадина,
Только привязи трещат.

На черемухи крахмальные
Опрокинулся сосуд.
Как машины поливальные,
Тучи с грохотом ползут.

ЗАЗИМКИ

Взлетают последние птицы
На ветер холодный и злой.
Берез лубяные глазницы
Исходят последней слезой.

Природа надулась и плачет,
Но только не знаешь по ком,
Обильные слезы не прячет,
Не сушит зеленым платком.

Короткого лета обноски
Свисают с озябших ветвей.
Почти не слышны отголоски
Напитанных зеленью дней.

Осенней земли рубероид
От каждого шага хрустит,
Но скоро метели укроют
Земли сероватый графит.

Осталось не больше недели,
Зима уж стоит за углом.
Нагрянут шальные метели,
И все полетит кувырком.

ГРОЗА

По все четыре стороны
Обвальный дождь идет,
И молнии, как бороны,
Кромсают небосвод.

Над пенными корытами,
Над лужами подряд,
Ветвями перемытыми
Кустарники шуршат.

Взлохмаченными прачками
Полощут свитера,
Что пылью перепачкали
Залетные ветра.

Кипит небес аквариум,
Плескаясь за края.
Висит туманным маревом
Дождинок кисея.

ЛЕСНЫЕ ТАЙНЫ

До чего леса бескрайны.
Там, где краешек земли,
Неозвученные тайны
Под коренья залегли.

До чего леса огромны.
В темной зелени до пят,
Как потушенные домны,
Ели в сумраке стоят.

До чего леса целебны.
Слышно шелесты в тиши,
Словно тихие молебны
За спасение души.

НОЧЬ

Мир дремлет покоем объятый,
Истаял заката фитиль,
И месяц совковой лопатой
Сгребает небесную пыль.

Не все под луною так плохо,
Незыблем порядок ночной,
Мешки золотого гороха
Рассыпаны над головой.

Налипли чешуйки созвездий
На темный глухой небосвод.
Все тихо, лишь в гулком подъезде
Бессонница в трубах течет.

* * *

Весна очистила окошки
И светлый глянец навела,
Капель выклевывает крошки
С большого зимнего стола.

В лучах худеет бок сугроба,
Тускнеет панцирь ледяной,
Все лучшее из гардероба
Уже изношено зимой.

Сквозь живописные лохмотья
Земля накапливает жар.
Она просвечивает плотью,
Как женщина сквозь пеньюар.

В ЛЕСУ

Еловые шишки
На ветках висят,
Как будто пустышки
Для рыжих бельчат.

Сбежались опята
К замшелости пней,
Как будто цыплята
К наседке своей.

Рябые волнушки
Гуляют вразброд,
Лисички – подружки
Ведут хоровод.

Под павшие листья
Груздь тайно проник,
Под кофточку лисью
Присел боровик.

Грибы в пестрых шляпах
Нагрянули в лес,
И запах, и запах
Стоит до небес.

* * *

Осенняя осина
Опала на ветру,
Как будто с апельсина
Содрали кожуру.

Березовые букли,
Окрашеные в медь,
Туманам набухли
И начали редеть.

Черемухи промокли
Без летнего зонта,
Подсолнухов монокли
Не видят ни черта.

Унылость в беспорядке
Соломенных папах.
Как чучело на грядке,
Я осенью пропах.

СЕНОКОС

Стоит сенокосное ведро,
Кузнечики стонут окрест,
И тучу в широкие бедра
Толкает к закату зюйд-вест.

Шуршат монотонные грабли,
Деревня парит вдалеке.
И только мальчишки озябли,
Перекупавшись в реке.

Цветут луговые полотна,
Шмелями гудит медонос.
Шумит широко и вольготно
Набравший разгон сенокос.

И дышится полною грудью,
И с выдохом – боль из груди...
Но схлынет с лугов многолюдье,
Как только нахлынут дожди.

УТРО

Сугробы легли среди улиц,
Где сон безмятежный сморил,
Где зябко деревья обулись
В полотнища снежных бахил.

Над крышами дым колосится,
У печек взыграл аппетит.
Ольха, как вязальная спица,
Вся в кружеве белом стоит.

Зима еще спит спозаранку,
Примяв снеговую кровать.
Сороки свою перебранку
Еще не успели начать.

Но скрипнула где-то калитка,
Испуганно дрогнула мгла.
Рассвета хромая улитка
По пухлым снегам поползла.

СОСНЫ

Неприметна среди неприметных,
Эта местность лишь тем и славна,
Что на мшистых ее километрах
Корабельная встала сосна.

Золотистые эти деревья
Загляделись в таежный простор,
Не заметив, что рядом деревня
Забрела на высокий бугор,

Да и что вековым исполинам
Крик ее и собачий лай,
Даже птицы стремительным клином
Огибают деревьев край.

Но уж в бурю по вскинутым кронам
Хлещет ветер – напорист и лих,
И ложится на землю со стоном
Та сосна, что слабее других.

Так всегда: вдруг пройдут ураганы,
Свалят сосны, не тронув кусты,
Но другие стоят великаны,
Не пугаясь своей высоты.

РОМАШКИ

К цветам несмелым, полевым
Куда пронзительнее чувство.
Смотри, ромашек белый дым
Лежит в полях светло и густо.

Они привыкли ко всему,
Растут в овраге и в аллее,
И этим сердцу моему
Они других цветов милее.

Люблю ромашковый букет,
Он весь из солнечного света,
Он весь, как сказочный привет
Скупого северного лета.

ПЕЧОРА

Печора не закована в гранит,
Пески ей верно служат берегами.
Над ней сосна веселая шумит,
Зелеными махая рукавами.

Она нежней, чем я предполагал,
Чиста вода и так протяжны дали,
Как будто я вошел в огромный зал,
Где рамы навсегда повыставляли.

Соболью спину гнут березняки,
Ветрам полет указывают ели.
Я представляю, как бы степняки
От этого простора ошалели.

Что степняки, им рощица берез
Бог весть какой покажется тайгою,
Но я вот то же к берегу прирос
И ничего не сделаю с собою.

ВЫМСКИЕ БЕРЕГА

Здравствуй, лес, комариное логово,
Здравствуй, Вымь, голубая река,
А курорт, знаменитый Серегово,
До свиданья, до встречи, пока!

Чуть скрипят над водою уключины,
Перевозчик на слово не скор,
Да и мы в тишине не приучены
Неуместный вести разговор,

У ОКОЛИЦЫ

Здравствуй, край, луговой и озерный,
И леса вековые, привет.
Здравствуй, тополь, ты, словно дозорный,
У околицы стал за кювет.

Я люблю твой таинственный шелест
И ветвистую крону твою,
Из далекого края пришелец,
Я тихонько с тобой постою.

Не понять, как по выпуклым склонам
Ты на самую кручу залез,
Неужель парашютом зеленым
Опустился когда-то с небес.

И не мне одному ты по нраву,
Я подумал однажды всерьез,
Что имеешь ты звонкую славу
Средь окрестных рябин и берез.

И к тебе они тянутся круто,
И под ветром шумят веселей,
Хорошо быть по нраву кому-то
Средь деревьев, зверей и людей.

РЕЧЕНЬКА

Катится прохладная водица,
Золотым обсыпана песком,
Словно подпоясана землица
Голубым с отливом пояском.

Не тиха, но в меру говорлива,
И в течении вольном не узка.
Нравом и обличием красива
Небольшая русская река.

Этот путь извилистый и древний
Прорубила шумная вода,
Чтоб всегда прибрежные деревни
Плыли в ней неведомо куда,

Чтоб в воде размашисто и гордо
Летние сияли облака,
А зверье невыспавшейся мордой
Тыкалось в их светлые бока,

Чтобы в яблоках седые кони
Табунами шли на водопой,
Чтобы люди теплые ладони
Наполняли вкусною водой.

СТАЯ

Небесные трассы короче,
Земные дороги верней...
Как зыбкую нить многоточий
Несет надо мной журавлей.

И крыльев тяжелые взмахи
Слышны далеко в сентябре,
Как будто сухие рубахи
От ветра шумят во дворе.

Стою под курлычущим клином,
Один на большое село,
И горло под белым сатином
От птичьего крика свело.

Все дальше та зыбкая стая,
Все глуше встревоженный крик.
Засохшие губы кусая,
За ней я иду напрямик.

ЗИМНИЙ ТОПОЛЬ

К ночи вьюга завыла от злости,
Снеговую крутнула юлу,
Снова тополь к нам просится в гости,
Стылой лапкой шурша по стеклу.

Сонный тополь, тебе бы открыли
И пустили погреться в тепле,
Если б ноги твои не пристыли
Поздней осенью к мерзлой земле.

Но о том не печалься особо,
Ты на севере все же не гость,
Лучше белую шубу сугроба
На широкие плечи набрось.

И под ней средь пурги и мороза
Пусть сморит тебя сон голубой.
Может, кстати, приснится береза,
Что когда-то стояла с тобой.

В ГЛУШИ ЛЕСНОЙ

Снежки слетают с веток,
Как стаи снегирей,
Ложатся шалью светлой
На выступы корней.

И с каждой новой стаей
Светлеет вновь в лесу,
Как будто кто бросает
Холодную красу.

Коль одиноким буду,
Припомню этот вид,
Такая грусть повсюду
В пустом лесу лежит.

Ворочается сонно
Меж кочек тишина.
Ни ворон, ни ворона
Не каркнут дотемна.

Шагаю сквозь трясину,
Задев за рукава,
Мне ели шепчут в спину
Хорошие слова.

Ах, вам не догадаться,
Морщинистые лбы,
Что я пришел скрываться
От собственной судьбы.

ЛУННАЯ НОЧЬ

В золотистую сеть звездопада
Карасем заплывала луна,
Да в аллеи заснувшего сада
Загляделась на что-то она.

На снегу всюду резкие тени –
Так ясны и близки небеса,
Не скрипят под ногами ступени,
Не тревожат покой голоса.

Я люблю это зимнее чудо,
Беспредельную лунную даль,
В эту пору, бог знает откуда,
В душу льется и льется печаль.

Но не та, что порой безысходна,
А ее золотая сестра,
От которой легко и свободно,
И не спится порой до утра.

ЗИМНИЕ СТЕЖКИ

Боже мой, сколько выпало снегу!
Все округло, пушисто, бело.
Словно зимнюю чудо – телегу
В повороте на нас занесло.

Мимо нас проходила дорога,
Где неслась колесница зимы,
На скаку покачнулась немного
И рассыпалась в наши холмы.

Раскатилась от края до края,
Никому никогда не собрать.
Поздней осени след заметая,
Улеглась полотняная гладь.

И по ней голубые дорожки
Полетели, тонки и прямы,
Словно молний тугие застежки
На хрустящей одежде зимы.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Ни кистью, ни словом, ни звуком
Не выразить времени ход,
Когда эта ночь переулком
На цыпочках тихо идет.

Не скрипнет калиткой тихоня
И след не оставит в пыли.
Но, что-то почуяв спросонья,
В траве завозились шмели.

Вода холодна, неподвижна,
К ней липнет, склоняясь, трава,
И все так отчетливо видно,
Что днем замечалось едва.

В березах на каждой поляне
Прибавили будто «свечей»,
Нисходит на мир обаяние
От северных белых ночей.

ПРОТАЛИНКИ

Как коврики средь горницы,
Проталинки в снегу –
Весна с зимою борется
На солнечном лугу.

Еще сильней косматая,
Но скоро ей конец,
Девчонка конопатая
Стрижет ее овец.

Как сношенные валенки
Обочины дорог,
И вот уже проталинка
На солнце греет бок.

Под ледяною кромкою
Журчит веретено,
Из снега нити звонкие
Прядет, прядет оно.

НА РЕКЕ

Здесь склоненные ивы
Над синей водой,
Здесь прохладно
И ветренно-звонко,
И от берега к берегу
Смех молодой
Пролетает
Беспечным стриженком.
И крылами касаясь
Спокойной воды
Будит он
Засыпающий омут,
Где на листьях кувшинок
Три желтых звезды
До холодных ночей
Не утонут.
Щука тускло мелькнет
Голубым плавником,
Лунный свет
Испускают сороги,
И стыдливый июнь

За кустами тайком
Плещет воду
На белые ноги.
Вьются стайкой стрекозы,
Шуршат камыши,
Под корягу
Запрятался жерех,
Облаков отраженных
Пустые ковши
Задевают боками о берег.
Коршун круто кладет
Над водой виражи,
Словно издали
Чувствует это:
Золотистым цыпленком
У синей межи
В листья спряталось
Раннее лето.

СОДЕРЖАНИЕ

«По самой стремнине несет...» 5

Светлые храмы

Перед веком 8
Копья 9
Светлые храмы 9
Родство 10
Некто 11
Посе Пушкина 12
Летописцы 13
Давнее 14
Стрельбы 15
Чувство 15
Колодцы 16
Полярный Урал 17
Российская земля 18
Звонари 19
Коридоры 20
Исход 21
Коми земля 22
О песне 23
От предков 24
Поворот 25
«Какие потери на новом витке...» 26
Старые газеты 27
Вместе 28
Новогоднее 28
Начало 29
Возможное 31
Клесты 32
Расплата 33
Притча 33
Артист 35

Изобилие 35
Путь 37
Предчувствие 38
И.А. Куратову 38
По совести 40
У экрана 41
Спираль 41
Непослушание 43
Предки 43
Просьба 44
Восьмистишия 45
Осечка 54
Несбывшееся 54
Слезы 55
В цирке 56
Тени 57
Вехи 57
Век 58
Собрату 59
Другие примеры 60
Возвращаюсь к тебе 61
Мольба 61
Дань 62
Северяне 63
Нас много 64
Мой город 65
Ледоход 66
Дай Бог 67
Потери 68
Судьба 69
Прыжок 70
Время 70
Сыктывкар 71
Акростих 71

Воздушные скитальцы

«Багровое солнце качнется на крыльях...» . 74
Летчики 75
Земляника 75
Колодец неба 77
Аэродром 78
«Нас тяготения оковы поймали...» 79
«Синеглазая авиация...» 79
Сквозь облака 80
«За миг один полета...» 81
Жизнь 82
«День Воздушного Флота...» 83
Линия крыла 84
Взлет 85
Посадка 86
«Какое счастье и мученье...» 87
Ночные самолеты 88
Трасса 89
Прощание 90
Старый самолет 90
Перемены 91

Перышко любви

О тебе 94
На голос 94
Богиня 95
Былое 96
В глазах 97
«Приземлен и телесен...» 97
Уход 98
Из детства 99
Женщина Печоры 99
Из былины 101
Ранняя осень 101
Ожидание 103

«Золоченую уздечку в воду бросила луна...» 103
Исповедай 105
Зимние цветы 106
Две лыжи 107
Твои глаза 108
Утром 109
Женщина 110
Перышко любви 110
Соперница 111
Взгляды 112
Это святое 113
«Не самая обычная в обители земной...» .. 114
Мастерица 114
Совет 115
Душа 116
Во времени 116
«Бывали и медные трубы...» 117
Строфы 118
Созвучия 127
Сети 127
О женщине 128
Благодать 129
Гостья 130
Весенние блики 131
Созвучность 132

Осенины

Осенняя ночь 134
Тучи 134
Зазимки 135
Гроза 136
Лесные тайны 137
Ночь 138
«Весна очистила окошки...» 138
В лесу 139

«Осенняя осина опала на ветру...» 140
Сенокос 141
Утро 141
Сосны 142
Ромашки 143
Печора 144
Вымские берега 145
У околицы 145
Реченька 146
Стая 147
Зимний тополь 148
В глуши лесной 149
Лунная ночь 150
Зимние стежки 150
Белая ночь 151
Проталинки 152
На реке 153

Литературно-художественное издание

ВЬЮХИН ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

РОДСТВО

На русском языке

Компьютерная верстка — *Н.В. Вахнин*
Корректор — *Н.В. Данилова*

Подписано в печать 10.07.2007. Формат 70×90 $^1/_{32}$
Бумага офсетная. Гарнитура «Komi SchoolBook»
Печать офсетная. Уч. изд. л. 6. Усл. печ. л. 6,14
Тираж 500. Заказ № 1629

Отпечатано в ОАО «Кировская областная типография»
с дискет заказчика в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
610000, г. Киров, Динамовский пр., 4

120

Валерий Вьюхин — поэт, член Союза писателей России. Родился в 1941 г. в Вологодской области. После окончания авиационно-технического училища до 1998 г. летал бортмехаником на различных типах самолетов в Сыктывкаре. В 1974 г. заочно окончил Литературный институт им. Горького. Автор пяти сборников стихов, многих публикаций в журналах и альманахах. Лауреат премии Коми комсомола, заслуженный работник культуры Республики Коми.